

М.В. Толстой

История Русской Церкви

САМЪ

Михаил Толстой

**История Русской
Церкви. В двух томах**

Православное издательство "Сатись"

1890

Толстой М. В.

История Русской Церкви. В двух томах / М. В. Толстой —
Православное издательство "Сатись", 1890

ISBN 5-7868-0063-6

По благословию Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского
ВЛАДИМИРА В замечательной книге графа Михаила Владимировича
Толстого рассказывается о том, как появилось и утвердилось христианство
на Руси, как возникла и возросла Русская Православная Церковь и как она
явилась тем стержнем, вокруг которого выросло государство Российское.

ISBN 5-7868-0063-6

© Толстой М. В., 1890
© Православное издательство
"Сатись", 1890

Содержание

Предисловие	6
Том I	8
Книга первая	8
Глава I	8
Глава II	18
Глава III	26
Глава IV	34
Глава V	46
Глава VI	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Михаил Владимирович Толстой
История Русской Церкви. В двух томах

© Издательство «Сатисъ», оригинал-макет, оформление, 2004

Предисловие

История Церкви – это прежде всего история деяний и подвигов святых праведников и подвижников. Вспомним слова евангельские: «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем же сделаешь ее соленою?» (Мф. 5, 13). Именно поэтому в основу «Истории Русской Церкви», подготовленной Издательским Отделом Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, положен труд известного русского агиографа графа М.В. Толстого¹.

Сравнивая труд М.В. Толстого с подобными ему трудами, мы не найдем в этой книге каких-либо редких фактов, не известных в той или иной степени церковно-исторической науке. Однако, несмотря на это, книга М.В. Толстого была куда более любимым чтением по истории Русской Церкви, чем многие иные, имевшие на титуле имена прославленных историков. Причина здесь только одна: «История Русской Церкви» М.В. Толстого написана церковно и научат церковности. История Церкви – это описание ее святости и благочестия, открывающихся в ее подвижниках. Естественно поэтому нам и от церковного историка ожидать «по тщательном исследовании всего сначала», как пишет евангелист Лука (Лк. 1, 3), прежде всего благочестивого повествования о событиях, чтобы мы узнали твердое основание церковного учения (Лк. 1, 4). Такие повествования Церковь преимущественно заключала в круг Четий-Миней, подчеркивая равноценность различных временных отрезков пред вечностью. Но и хронологическое («от сотворения мира»), по годам («полетное») изложение всегда признавалось Церковью имеющим свой смысл и значение. Именно поэтому преподобный Нестор, монах Киево-Печерской Лавры, составлял «Летопись». М.В. Толстой в своей «Истории...» следует традициям как церковного летописания, так и житийного повествования и поэтому читатель получает от его книги и исторические познания, и благочестивое назидание.

Естественно, что М.В. Толстой, опиравшийся на доступные в середине XIX века источники и литературу, заимствовал из них данные, некоторые из которых, по мере развития церковно-исторической науки были уточнены. Именно поэтому, не изменяя авторского текста, редакция сочла необходимым внести некоторые уточнения и дополнения фактического характера, которые оговариваются. Кроме того, книга снабжена справочным материалом, часть которого подготовлена специально для данного издания и публикуется впервые (Хронологический список Русских святых и подвижников благочестия IX–XX вв.). Даны кончины святых по тексту книги приведены в соответствие с более выверенным «Хронологическим списком...»

История Русской Церкви неотделима от истории Российского государства, народа. Недаром среди святых, прославленных Русской Православной Церковью, – великие благоверные князья Владимир, Александр Невский, Димитрий Донской и многие другие русские государственные люди. Недаром же и в Акафисте преподобному Сергию, игумену Радонежскому и всея России чудотворцу, назван святой подвижник «даным России воеводою», «светозарным светилом в православной Российской державе». Поэтому и в данном издании читатель найдет сведения по истории русской государственности, жизнеописания великих князей, царей, императоров Российских, историю народных движений.

Предлагаемое издание охватывает период с начального времени устройства Русской Православной Церкви и до учреждения Святейшего Синода. Десятилетия открытых гонений на Церковь после 1917 года заставляют нас теперь пристальнее взглянуть в предысторию вто-

---

¹ Граф Михаил Владимирович Толстой (1812–1896), русский духовный писатель, автор многочисленных книг по истории Русской Церкви: «Патерик Свято-Троицкой Лавры», «Древние святыни Ростова Великого» (М., 1847), «Русские святыни и древности» (тт. I–III, М., 1861–1868) и других, сотрудник журналов «Русский Архив», «Богословский Вестник» и «Чтения Общества любителей истории и древностей».

рой российской смуты и более глубоко оценить целый ряд исторических явлений. Всего этого, конечно, нет в настоящем томе, но может быть восполнено в будущем.

Игумен Андроник (Трубачев)

Том I

Книга первая

Глава I

Первые проявления христианства на земле Русской. Аскольд и Дир. Святая княгиня Ольга. Первые мученики. Варяги. Святой равноапостольный князь Владимир. Святые страстотерпцы Борис и Глеб. Преподобный Ефрем Новоторжский.

«Духовное возрождение целого народа, как и одного человека, совершается неодинаково, – говорит один недавно почивший знаменитый архипастырь¹, – в одном народе оно совершается ранее, в другом позднее, в одном быстро, в другом медленно».

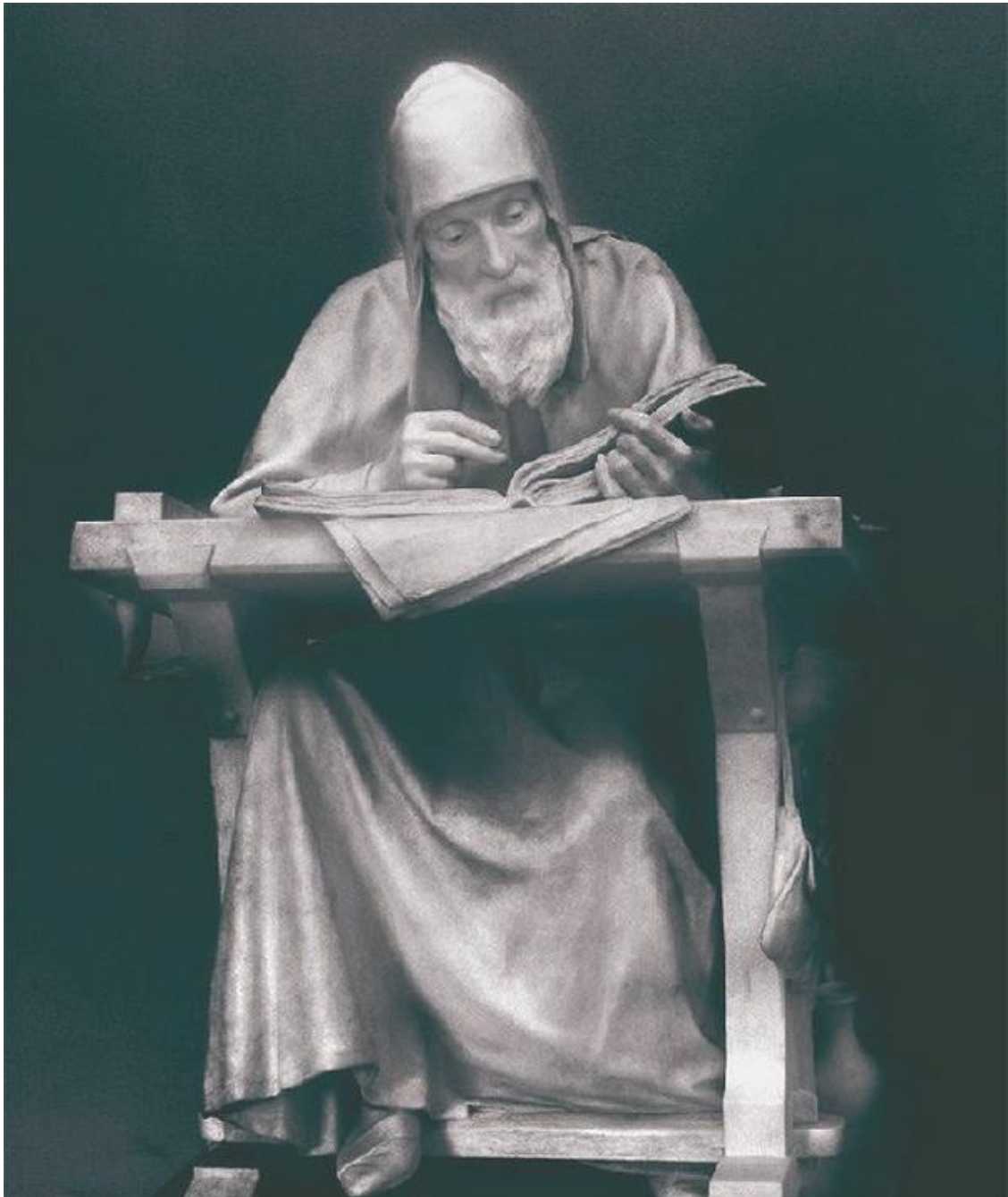
Преподобный Нестор повествует, что апостол Андрей из Синопы через Корсунь, или Херсон, доходил берегом Днепра до Киевских гор, благословил их и водрузил там крест, сказав: «На сих горах воссияет благодать Божия». Оттуда он отправился на север, до берегов Волхова и озера Ильмень, а оттуда в Рим². Но в летописи Нестора не упомянуто, чтобы путешествие Первозванного Апостола оставило по себе следы на почве Киевской Руси.

Известия о частных обращениях жителей южной Руси к христианству начинаются с IV века. Блаженный Иероним писал: «Гунны изучают псалтирь; хладная Скифия согревается огнем веры истинной; войска рыжих и белокурых гетов и даков носят за собою походные храмы». Из этих слов видно, что под именем холодной Скифии нужно разуместь ту, которая простиралась от левого берега Дуная до Дона, где, по свидетельству древних, еще с I века по Р.Х. обитали славяне. У гетов, или готфов, живших в нынешней Бессарабии вместе со славянами, еще при Константине Великом³ образовалась епархия.

О распространении веры между готфами и скифами более всех заботился святой Иоанн Златоуст. Он посылал миссионеров к скифам, жившим за Дунаем, и для готфов посвятил епископа Ульфилу. Но гунны, авары и болгары, одни за другими, опустошали Скифию, и христианство, еще слабое между скифами, искоренялось войною или гонением язычества.

На севере Русской земли, где славяне, жившие при впадении Волхова в озеро Ильмень, призвали к себе на княжение Рюрика с братьями (около 862 года), почти не было слухов о христианстве. Двое из сподвижников Рюрика, Аскольд и Дир, отправились из Новгорода искать счастья в Царьград. На берегу Днепра они увидели городок и завладели им: это был Киев. Отсюда в 866 году они предприняли поход к Царьграду с языческой дружиной на 200 вооруженных судах, открыли себе путь в Черное море ивсамый Босфор Фракийский (Константинопольский пролив), опустошили берега Пропонтиды (Мраморного моря) и заставили трепетать столицу империи. Блаженный Патриарх Фотий, столько заботившийся о просвещении славян, вынес из Влахернского храма ризу Богоматери и погрузил ее в море, тихое и спокойное. Вдруг оно закипело бурей и разбило суда руссов⁴. Аскольд и Дир, объятые страхом, уверовали во Христа. Повествуют, что по возвращении с остатками флота в Киев Аскольд принял на вече народном епископа, присланного от Патриарха Фотия. Стали рассуждать о вере своей и христианской и спросили епископа: чему он хочет учить их? Епископ открыл Евангелие и стал говорить им о Спасителе мира и земной Его жизни, говорил и о разных чудесах, совершенных Богом в Ветхом Завете. Руссы, слушая проповедника, сказали: «Если и мы не увидим чего-

нибудь подобного тому, что случилось с тремя отроками в печи, мы не хотим верить». Служитель Божий не поколебался; он смело отвечал им: мы ничтожны перед Богом, но скажите, чего хотите вы? Они просили, чтобы брошено было в огонь Евангелие, и обещали обратиться к христианскому Богу, если оно останется невредимым. Тогда епископ воззвал: «Господи! Прослави имя Твое перед сим народом», – и положил книгу в огонь. Евангелие не сгорело. Видя это, князья и многие язычники, пораженные чудом, приняли крещение»⁵.

Прп. Нестор Летописец. *Скульптура М. Антокольского*

Спустя 15 лет, Олег, принявший на себя правление в Новгороде, по смерти Рюрика и в малолетство сына его Игоря, предпринял поход на юг. Оставив позади войско, он прибыл на ладьях к Киеву, вызвал к себе обманом Аскольда и Дира и умертвил их. Местность и удобство Киева пленили Олега; он сказал: «Да будет он матерью городов русских»; и поселился

на берегах Днепра. Оттуда с огромной ратью, собранной из всех подвластных ему племен, на легких судах, он пустился к югу и осаждал Константинополь. Греки откупились от него деньгами. При язычнике Олеге христианство могло скорее ослабеть, нежели усиливаться в Киеве; однако и он, хотя без намерения, знакомил руссов с верой Евангельской. Когда послы его были в Царьграде для заключения мира, им показали «страсти Господни, терновый венец, гвозди и хламиду багряную» и мощи святых и учили их христианской вере. Возвратясь в Киев, они рассказали землякам, что видели и слышали.

При Игоре вера Христова имела более покоя и свободы в Киеве. В договоре, заключенном им с греками, упоминается о том, что руссы крещенные будут присягать в соборной церкви святого Илии в Киеве и целовать крест. Таким образом, христиан между руссами уже было столько, что надобно было упоминать о них в договоре, и в Киеве был соборный храм, что может указывать на существование других храмов.

Но еще ярче воссиял свет Евангелия в России по смерти Игоря. Игорь был женат еще при жизни правителя Олега. Жена его, природная славянка⁶, родившаяся близ Пскова или, лучше сказать, в той стороне, где после основался Псков, называлась Прекрасною, а при браке переименована Ольгою.

По смерти мужа, убитого возмущившимися древлянами (в 946 году), и в малолетство сына Святослава, который остался сиротой на пятом году, Ольга правила Русской землей, как Любуша у чехов и Драгомира в Богемии. Она наказала и усмирила древлян, обложив их тяжелой данью, учредила в Новгородской земле погосты и оброки. При ней в Киеве было много христиан. Одаренная светлым, проницательным умом, Ольга видела непорочную жизнь христиан и понимала, что язычество не могло воспитать таких людей; беседы с учителями христианскими (один из них сопровождал ее в Царьград) открыли ей небесную чистоту и высоту учения Христова. Она решилась креститься и, чтобы вернее ознакомиться с христианством, отправилась сама в Константинополь в 957 году. Там пробыла она около трех месяцев, и хотя сначала была принята очень холодно и должна была долго простоять на пристани, но потом пользовалась вниманием императора и наставлениями Патриарха Полиевкта, знаменитого по святости жизни и по высокой образованности. Патриарх сам крестил Ольгу, нарек ее Еленой и сказал ей: «Возлюбив свет иотвергнув тьму, благословенна ты между женами русскими; благословлять тебя будут сыны русские до последнего рода»⁷.

Возвратясь в Киев, она заботилась о распространении христианства, но не могла обратить сына своего Святослава. Он не только не обнаруживал расположения к истинной вере, но, исключительно занятый мечтами о власти и славе, не раз выражал гнев свой на предложения матери.

Блаженная княгиня после крещения своего прожила еще 12 лет и успела посеять первые семена веры в юном внуке Владимире и его братьях. Пользуясь частыми отсутствиями войнолюбивого сына, она посетила свою родину. Там, обозревая местность нынешнего Пскова и стоя на берегу реки Великой, где тогда был густой лес и многие дубравы, она увидела три светоносных луча, как бы падающие с неба на крутое возвышение противоположного берега. Равноапостольная княгиня водрузила крест на этом месте⁸, и предрекла, что здесь будет храм Святой Троицы и воздвигнется великий и славный город⁹.

Тогда как святая мать подвизалась для счастья своей Родины, сын ее Святослав, рыская по чужим землям, едва не потерял своей: стесненные печенегами, беспомощные киевляне доведены были до того, что готовы были передать город врагам. Возвращаясь поспешно в Киев, Святослав прогнал печенегов, но снова спешил за Дунай, тогда как мать его лежала на одре смертном. Благоверная Ольга сказала со скорбью сыну: «Погреби меня и тогда иди, куда хочешь». Спустя три дня, 11 июля 969 года, святая Ольга скончалась; она завещала не совершать над ней языческой тризны и не насыпать кургана языческого, а послала деньги на

поминовение Патриарху, и духовник ее совершил над ней погребальное пение. Церковь называет святой Ольгу «денницей спасения земли Русской, равноапостольною и единоревнительницею апостолам»¹⁰, а преподобный Нестор говорит о ней: «Она предтекла христианству в земле нашей, как зарница пред солнцем, как утренняя заря пред светом полуденным; как луна в ночи, так светила она между людьми неверными. Она и по смерти молит Бога за Русь. Ее славят все сыны русские, видя ее лежащую в теле много лет». Эти прекрасные слова летописца доказывают, что в его время Церковь уже чтит Ольгу между святыми и мощи ее почивали открыто. Другой летописец¹¹ говорит, что святая Ольга почил в гробе, как спящая, в Десятиной церкви Богородицы, куда перенес мощи ее святой князь Владимир при митрополите Леонтии.

После Святослава, который жил и умер упорным язычником, наступили междоусобия между тремя сыновьями его. Младший из них, Владимир, рожденный от наложницы Малуши, Ольгиной ключницы, с восьмилетнего возраста был отправлен Святославом в Новгород под присмотром дяди, Добрыни Любчанина, который, как грубый язычник, давал полную волю страстям своего воспитанника. По смерти отца Владимир завладел Киевом посредством измены, велел умертвить старшего брата своего Ярополка, взял себе насильно невесту его Рогнеду, княжну Полоцкую, и беременную жену его, гречанку. Сделавшись единовластителем Русской земли, Владимир проводил свою молодость в необузданном сластолюбии: кроме пяти жен, у него было в разных местах до 800 наложниц. Он отличался также страстью к войне и отдаленным походам.

В 983 году Владимир ходил на ятвягов и покорил землю их (в нынешней Гродненской губернии). Возвратясь в Киев, он совершал жертвоприношения идолам. Старшины и бояре сказали ему: «Бросим жребий на отрока или девицу; на кого падет, того и принесем богам».

Жребий пал на юного Иоанна, сына одного варяга-христианина, по имени Феодор, жившего в Киеве. Посланные сказали отцу: «Отдай сына богам; они выбрали его себе в жертву». Феодор отвечал: «Ваши боги – истуканы, сотворенные руками человеческими. Един Бог, которому поклоняются греки, сотворил небо и землю. Не дам сына моего бесам». Услышав этот ответ, киевляне сбежались и разломали двор варяга. Он стоял с сыном на сених. Ему кричали: «Поддай сына твоего!» Он отвечал: «Пусть боги ваши сами придут и возьмут его». Язычники подрубили сени под ними и умертвили обоих¹².

Но приближалось уже время общего просвещения земли Русской: ужасное братоубийство, сластолюбие грубое не могли не тяготить совести Владимира. Он думал облегчить душу тем, что ставил новых кумиров на берегах Днепра и Волхова, украшал их серебром и золотом, приносил тучные жертвы перед ними. Но все это, как чувствовал он, не доставляло покоя душе – душа искала света и мира. Владимир чувствовал тревогу, движения и сомнения в душе. Он стал припоминать свое детство и наставления блаженной бабки своей Ольги. К великому князю, недовольному старой верой, явились проповедники новых вер. Первыми явились послы из восточной Болгарии, мусульмане. Описание магометова рая, населенного прекрасными гуриями, понравилось сластолюбивому князю, но обрезание казалось ему мерзостью, а запрещение пить (крепкие напитки) – несовместимым с обычаями Руси. После немецкие паписты говорили о величии невидимого Бога и о ничтожности идолов; но князь знал папскую политику и отвечал им: «Идите обратно, отцы наши не принимали веры от папы». Выслушав проповедь иудеев хозарских, Владимир спросил: «А где ваше отечество?» «В Иерусалиме, – отвечали они, – но Бог разгневался на отцов наших и расточил их по чужим странам». «И вы, отвергнутые Богом, – сказал им Владимир, – еще приходите учить других? Или хотите, чтобы и мы лишились своего отечества?» Наконец выслушан был философ, инок греческий. Показав несправедливость других вер, он представил историю Ветхого и Нового Завета и в заключение

развернул картину Страшного Суда. «Добро стоящим одесную, – сказал Владимир, – и горе грешным на левой стороне». – «Крестись, – и будешь в раю с праведными», – отвечал ему инок.

Отпустив последнего проповедника с уважением и дарами, Владимир созвал бояр и старшин на совет об избрании новой веры: решено было послать послов и рассмотреть каждую веру на месте. Послы побывали у болгар восточных, потом у немцев и наконец прибыли к грекам. Императоры Василий и Константин, узнав причину прибытия русских выборных, известили о том Патриарха, и Патриарх в присутствии послов совершил торжественную службу. Великолепие храма Софийского, множество духовенства в богатых облачениях, стройное пение клира привели русских в восторг. Они думали, что стоят на небе, а не на земле. Возвратясь в Киев, они с восхищением говорили о вере греческой. «Если бы греческий закон не был лучше всех других, – сказали великому князю бояре и старцы, – то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрейшая из людей». Владимир решился принять крещение, ноне хотел унижаться перед греками и положил завоевать себе веру.

Через год после совещания о вере Владимир пошел с войском к Корсуню¹³ и, взяв его, требовал себе от двора Константинопольского руки царевны Анны, сестры императора. Ему отвечали: «Пусть примет святую веру». – «Я давно испытал и полюбил закон христианский», – сказал Владимир. Но прежде чем невеста его пришла в Корсунь, с языческим князем случилось то же, что было некогда с Савлом: он ослеп. Прибывшая царевна советовала ему не медлить с крещением как средством к исцелению. Когда епископ возложил руку на выходящего из купели князя, Владимир, в крещении Василий, прозрел и душевно и телесно и в восторге воскликнул: «Теперь я увидел Бога истинного»¹⁴. По крещении Владимир вступил в брак с царевной и отдал Корсунь грекам, а сам возвратился в Киев новым человеком, с памятниками боевой и христианской славы¹⁵.

Равноапостольный князь искал лучшей веры не для себя одного, но для всего своего народа. Прежде всего крестились в Киеве сыновья его. Потом уничтожены были идолы; главного из них, Перуна, Владимир велел привязать к хвосту конскому, стащить с горы и бросить в Днепр; суеверный народ плакал из сожаления о старине своей и долго следовал по берегу за уплывавшим истуканом¹⁶. Тогда же князь велел объявить, чтобы на другой день все жители Киева, не исключая женщин и детей, собрались на берег Днепра для принятия крещения, под опасением немилости князя за ослушание.

Киевляне давно уже знали греческую веру, знали и решимость князя и бояр переменить веру и охотно шли креститься. Необозримые толпы людей, старцы и юноши, матери с младенцами покрыли берег реки. Туда явился и Владимир с собором духовенства. Народ взошел в Почайну, взрослые держали на руках младенцев, священники с берега читали молитвы. Владимир, объятый небесным восторгом, молился Господу и поручал ему себя и народ свой. «В этот день небо и земля ликовали», – говорит летописец.

Святой Владимир не ограничился просвещением престольного своего города, но поспешил с распространением святой веры и во всех других городах, больших и малых, – причем первым деятелем был святой Михаил, первый митрополит Киевский и всея Руси. После Киева был просвещен святой верой второй из славных городов русских, Новгород Великий. Но здесь перемена веры обошлась не без сопротивления, нужно было укрощать возмущение силою¹⁷. После того благовестие веры Христовой принесено было в область Ростовскую. Там, как и в Новгороде, ревностные благовестники крестили много людей, поставили церкви и священников, но не искоренили язычества.

В прочие города Владимир отправил сыновей своих и с ними священников для водворения веры Евангельской; в то же время он распространял и просвещение: в Киеве открыто было училище; богослужебные и учительные книги получены были из южной Болгарии. Храмы строились преимущественно на тех местах, где прежде стояли идолы. Особенная заботливость

святого князя обращена была на построенный им в Киеве храм Богородицы, прозванный Десятинным, потому что в пользу его блаженный храмоздатель назначил десятую часть из своих доходов.

Нравственная жизнь Владимира совершенно изменилась после благодатного крещения. Довольствуясь одной женой (царевной), с которой сочетался браком по закону христианскому, он отпустил от себя всех прочих жен и наложниц, а Рогнеде послал сказать: «Я теперь христианин и должен иметь одну жену; ты же, если хочешь, выбери себе мужа между боярами». Рогнеда отвечала: «Я природная княжна. Ужели тебе одному дорого Царство Небесное? И я хочу быть Невестой Христовой»¹⁸.

Повествователь почти современный¹⁹ говорит, что Владимир глубоко скорбел о прежней нечистой жизни и говорил: «Господи! Был я как зверь, жил я по-скотски, но Ты укротил меня. Слава Тебе, Боже!»

Владимир-христианин заботился о внутреннем благоденствии своих владений, которые прежде распространял мечом. Он не поднимал оружия на соседей, но жил с ними мирно. Только дикие печенеги вынуждали его воевать с ними. Желая скрепить мир с Польшей родственным союзом, святой Владимир женил сына своего (а может быть, и племянника²⁰) Святополка на дочери короля Болеслава.

Но вместе с Польской королевной прибыл бискуп Рейнеберг, пустил в ход римские происки и расположил Святополка к папизму и восстанию против великого князя. Владимир заключил Святополка в темницу с женою и бискупом²¹.

Жестокий и мстительный в язычестве, Владимир-христианин сделался образцом кротости и любви к ближнему; он не хотел наказывать даже и преступников. Епископы представили ему, что злодейства умножились и строгие меры правосудия необходимы. Послушав их, он стал наказывать преступников, но весьма осторожно и без жестокости. Бедным и нуждающимся отворен был вход к нему: он щедро раздавал им пищу, одежду, деньги; покоил странников, выкупал должников, невольникам и пленным возвращал свободу. Видя, что больные не в силах приходить к нему за помощью, он приказал развозить по улицам мясо, рыбу, хлеб, овощи, квас и мед. В праздничные дни всегда были у него три трапезы: первая для митрополита с епископами, иноками и священниками; вторая для нищих; третья для самого князя с боярами и дружиной. Такова была христианская жизнь приснопамятного крестителя земли Русской!

Святой равноапостольный князь Владимир преставился в старости²² 15 июля 1015 года. Он погребен в созданной им Десятинной церкви, рядом с гробницей супруги его Анны, скончавшейся за 4 года до него. Церковь уже чтит память его при сыне его Ярославе. Митрополит Иларион называет его вторым Константином, апостолом Русской земли, и, обращаясь к нему, говорит: «За благие дела получив ныне возмездие на небеси, блага, уготованные от Бога любящим его, и насыщаясь сладким Его лицезрением, помолись Господу о земле твоей и о людях, над которыми ты благоверно владычествовал»²³. Но мощи святого Владимира не были открыты и прославлены²⁴. Они покоились в мраморном гробе, который при нашествии татар был скрыт в земле под развалинами Десятинной церкви и обретен в 1635 году²⁵. Святая Церковь, празднуя память равноапостольного князя, воспевает: «*Радуйся, слава России! Радуйся, правитель верных; радуйся, Божественный Владимир, первоначальник наш; радуйся, забрало веры; радуйся, притекающих пристанище тихое; радуйся, камень веры и молебник о поющих и величающих тебя верно*»²⁶.

Немедленно по кончине Владимира Святополк, как старший в семье княжеской, сел на престол и спешил задобрить киевлян ласками и подарками; но они знали, каков он, и не доверяли ему; к тому же братья их были в походе против печенегов с князем Борисом. Чтобы вернее

сохранить власть, Святополк решился умертвить двух любимых сыновей Владимира²⁷, Бориса и Глеба.

Святые князья Борис и Глеб – прекрасные весенние цветы новопросвещенной Русской земли, ранние и яркие звезды на христианском небосклоне России.

Рожденные от матери христианки и оставаясь по малолетству еще довольно долго при отце своем, тогда как прочие братья²⁸ отправлены были на уделы, они росли и развивались в благочестии, не тронутые заразой язычества. Они оба, как и праведный отец их, любили назидательное чтение. Борис (в крещении Роман) научен был грамоте, прилежно читал книги, особенно же подвиги и жития святых; а Глеб (в крещении Давид), младший брат, слушал с полным вниманием и наслаждением. Читая о страдании мучеников, святой Борис обливался слезами и молился: «Господи Иисусе Христе! Удостой меня участвовать в святом произволении святых Твоих; научи меня идти по их следам. Молю сердце мое, чтобы оно знало Тебя и Твои заповеди; даруй мне дар, какой даровал Ты угодникам Твоим»²⁹. Борис и Глеб горячо любили отца своего, любили друг друга и были всегда неразлучны в детстве. И отец преимущественно любил их, видя на них благодать Божию, и назначил им соседственные уделы: Борису – Ростов, а Глебу – Муром. Прибыв в свои уделы, они делали все, что могли, для распространения святой веры и отличались правосудием, кротостью, смирением и милосердием к бедным.

Вызванный из Ростова отцом, состарившимся и больным, Борис был отправлен против печенегов и, возвращаясь после напрасной погони, на берегу реки Альты, близ южного Переяславля, узнал о смерти блаженного родителя. Это известие поразило его тяжкой скорбью: он горько плакал, говоря: «Свет очей моих, не буду уже я наслаждаться благим учением и мудростью твоей!» Окружавшие его предлагали ему выгнать Святополка и возвести его на великое княжение. «Нет, – отвечал святой Борис, – не подниму я руки на брата старейшего; умер отец мой, пусть брат будет мне вместо отца». Он распустил войско и собирался в Киев, куда звал его Святополк, обещая ему лучший удел.

Был вечер субботы, 24 июля 1015 года. Борису дали знать, что к нему подсланы убийцы. Он велел священнику петь утреню, сам читал шестопсалмие и канон. Окончилась утренняя; он стоял еще перед иконой и молился: «Господи! Ты пострадал за грехи наши; удостой и меня пострадать за Тебя. Умираю не от врагов, а от брата; не поставь ему того во грех». Затем, причастившись Святых Тайн и простясь со всеми, покойно лег в постель. Убийцы, как звери, ворвались в шатер, пронзили Бориса копьями и, думая, что он умер, вышли вон. Но рана не была смертельна; страдалец опомнился и вышел из шатра. Один из злодеев ударил его копьем в сердце. Тело святого Бориса тайно привезли в Вышгород и схоронили при церкви святого Василия.

Святополку мало было смерти Борисовой. Он послал к Глебу гонца. «Иди скорее, – велел он сказать ему, – отец тяжело болен и зовет тебя». Глеб спешил в Киев. Он был близ Смоленска, плывя на ладьях по реке Смядыне, когда старший брат Ярослав, княживший в Новгороде, прислал сказать ему, что отец умер, а брат Борис убит Святополком. Глеб оплакал смерть отца и еще более горевал о брате, которого нежно любил. «Не услышу я более кротких наставлений твоих, брат мой любимый. Если получил ты милости у Господа, моли Его, чтобы и я пострадал, как ты; лучше быть мне с тобой, чем в этом злом мире». Так говорил плачущий юноша, рано постигнув суету временной жизни. Скоро встретили его убийцы, посланные Святополком. Спутники Глеба увидели их и схватились за оружие, чтобы защитить любимого князя. Глеб сказал им: «Братцы, если мы не будем драться с ними, они возьмут меня и поведут к брату; если же вступим в бой, они всех нас убьют. Плывайте к берегу, а я останусь на середине реки». Убийцы, приблизившись к лодке святого князя, схватились за оружие. Напрасно Глеб говорил им, что ни в чем не виноват перед братом: злодеи заставили повара Глебова, родом из

Торков, зарезать своего господина, вынесли тело князя из лодки и бросили между колодами в глухом лесу³⁰.

За смертью святых страстотерпцев последовало кровавое волнение во всей России. Святополк убил еще брата Святослава, княжившего в земле Древлянской, и вступил в отчаянную борьбу с Ярославом. Воюя то с дикими печенегами, то с поляками, четыре года сряду обогрел он свою Родину кровью. Наконец он встретился с Ярославом в 1019 году на берегах реки Альты, на месте страшного братоубийства. Ярослав молился и сказал: «Кровь невинного брата моего вопиет к Всевышнему!» Три раза возобновлялась битва упорная и жестокая; подобной, по словам летописца, не бывало еще на земле Русской. Наконец Святополк обратился в бегство. Терзаемый тоской, гонимый небесным гневом, беспрестанно слыша за собой мнимую погоню, изверг бежал через Польшу в пустыни Богемские и там кончил гнусную жизнь свою, заслужив проклятие современников и прозвание «окаянного». Заняв престол Киевский, Ярослав прежде всего захотел отдать последний долг страдальцам-братьям. Скоро успел он узнать о месте погребения святого Бориса, но целый год искал напрасно останки святого Глеба. Только в 1020 году тело его было случайно найдено в лесу звероловами, перевезено в Вышгород и погребено подле святого Бориса. Тело святого Глеба, лежавшее пять лет на открытом воздухе, нимало не повредилось от перемен погоды; ни птицы, ни звери плотоядные не коснулись его; оно было белым и цвело нетлением, как живое. Скоро у могилы мучеников начали являться знамения и чудеса. Великий князь Ярослав, по совещании с митрополитом Иоанном, решился открыть мощи новоявленных мучеников, прославленные нетлением и даром чудотворений. С благоговейной радостью перенесли святые мощи в часовню, поставленную на месте церкви святого Василия, которая незадолго перед тем сгорела. Решились соорудить новую церковь и установить праздник в честь мучеников. Лес приготовили зимой, к дню кончины святого Бориса построили церковь и поставили в ней икону святых князей. 24 июля 1021 года³¹ храм освящен митрополитом Иоанном в присутствии великого князя, при многочисленном стечении народа. Во время литургии хромой, ползавший у раки святых, встал и стал ходить в виду всех. Митрополит поставил открыто на правой стороне церкви мощи первых русских чудотворцев и установил ежегодно праздновать память их в этот день. В 1072 году храм, сооруженный Ярославом, оказался ветхим, и сын его Изяслав построил новый храм. При торжественном перенесении святых мощей из старой церкви в новую мощи святого Бориса были несены князьями, а каменную раку святого Глеба везли на санях. Тогда же совершилось несколько чудес, и положено праздновать каждый год 2 мая перенесение мощей святых страстотерпцев.

«Приидите, восхвалим чудотворцев и мучеников: пострадав законно, они победили врага и ныне, светло украшенные, радостно предстоят Христу. И мы с любовью прославляем память их песнями, взывая к ним: радуйтесь, заступники вселенной и поборники на врагов; радуйтесь, врачи болящих и прогонители демонов; радуйтесь, любезная чета прекрасных братьев, любимых Христом – Роман славный и Давид чудный»³².

С памятью святого страстотерпца Бориса неразлучна память о верном слуге его, преподобном Ефреме Новоторжском. Ефрем, уроженец венгерский, пришел на службу к князю Борису, вместе с двумя своими братьями – Моисеем и Георгием. Последний из них был при своем князе на берегу реки Альты и хотел прикрыть его собой от последних ударов убийц, когда блаженный Борис, уже раненный, вышел из шатра. Злодеи умертвили Георгия и отрезали ему голову, чтобы снять с шеи золотую гривну. Узнав о смерти князя и любимого брата, Ефрем искал тело Георгия на месте убийства, но нашел только голову его, которую взял с собой. Он принял иночество и удалился на берег реки Тверцы, в селение Новый Торжок. Там построил он странноприимный дом и несколько лет усердно служил странникам. Когда открылись мощи святого князя Бориса и Глеба, преподобный Ефрем построил в честь новоявленных мучеников каменный храм и при нем основал обитель иноческую. Веселясь духом, что в созданном им

храме верующие молятся любимому князю его, прославленному Господом, он подвизался в посте и молитве и мирно почил в глубокой старости 28 января 1053 года³³.

Примечания

1 Преосвященный архиепископ Филарет. «История русской Церкви».

2 Летопись Нестора по Лаврентьевскому списку. (По преданию, «святой апостол Андрей Первозванный, просветитель скифов и славян, прибывши из Киева в Новгород, отсюда по реке Волхову достиг Ладожского озера, а потом – Валаама. Там благословил горы каменным крестом, истребил капища Велеса и Перуна, обратил в Христову веру и жрецов идольских и обитавших на острове язычников, положил основание на Валааме исповеданию веры Христовой и оставил пастырям новособранного стада Христова некоторых, сопутствующих ему, учеников. Вот еще когда в Валааме утвердилась православная вера Христова! Если признают достоверным предание о пребывании святого апостола Андрея в Киеве и пределах Новгородских, то отчего же не могло быть, чтобы апостол предпринял путешествие на Валаам, где надлежало сокрушить для водворения Христовой веры оплот и господство язычества в северных странах? В рукописи “Оповедь”² говорится о сем с полным убеждением в истинности сего предания, следующими словами: “Св. Андрей от Иерусалима прошел Голяд, Косог, Роден, Скеф, Скиф и Словен смежных лугами, достиг Смоленска, и ополчений Скоф и Славянска Великого и Ладогу оставя, в лодью сев, в бурное вращающееся озеро на Валаам пошел, крестя повсюду, и поставляя по всем местам кресты каменные. Ученики же его Сила, Фирс, Елисей, Лукослав, Иосиф, Косма повсюду сделали ограды, и все посадники доезжали до Словенска и Смоленска, и многие жрецы окрестились и капища Перуна и Велеса разрушили и уничтожили”» (Валаамский монастырь и его подвижники. Изд. 3. С.-Петербург, 1903, с. 18–19. – Прим. ред.).

3 То есть в IV веке. – Прим. ред.

4 Об этом событии писали Георгий Амартол и другие византийские историки.

5 Патриарх Фотий пишет в одном из своих посланий: «Руссы преложили нечестивое языческое суеверие на чистую и неблазненную христианскую веру и, приняв епископа, ведут себя как послушные дети и друзья».

6 По Иоакимовой летописи, отысканной Татищевым, Ольга была правнучка Гостомысла, того самого правителя новгородского, который будто бы дал совет призвать Рюрика. (см.: Татищев В.И. «История Российская». М. – Л., 1962, Т. 1, с. 107–119 – Прим. ред.).

7 О пребывании Ольги в Царьграде и о крещении ее сохранилось много подробностей в сочинении императора Константина (имеется в виду его сочинение «Об обрядах или церемониях Византийского двора» – Прим. ред.).

8 Этот крест был взят впоследствии в Троицкий собор и там сгорел в 1509 году. Святая Ольга поставила также кресты в Никольском погосте на реке Нарове и в других местах Псковской стороны. Некоторые из них были еще целы и в XVI веке.

9 На месте, где стояла блаженная княгиня, напротив Псковского Кремля и Троицкого собора, находится теперь часовня блаженной княгини Ольги, при источнике, из которого и летом и зимою струится чистая вода, имеющая целебное свойство.

10 Из службы святой Ольге, в Минее 11 июля.

11 Иаков Черноризец в Похвале Владимиру. «Христианское Чтение» за 1849 г.

12 Мощи мученика Иоанна-младенца почивают в Антониевой пещере. К нему прибегают с молитвою о чадородии не имеющие детей. Где находятся мощи отца его Феодора – неизвестно. Празднование памяти Феодора и Иоанна означено в прологе XV века под 12-м числом мая.

---

² Следует отметить, что текст «Оповеди» является фальсификацией – это было доказано историками в XIX веке и было известно в Валаамском монастыре. – Прим. Изд. «Сатись».

13 Город Корсунь (Херсон) находился на Таврическом полуострове, в двух верстах от нынешнего Севастополя. В недавнее время заложен на этом месте храм во имя святого князя Владимира.

14 Так как Владимир отправился в Корсунь весной, в марте, а имя святого Василия, которым назван крещеный Владимир, указывает в таком случае на святого Василия Парийского, празднуемого 12 апреля, и Пасха 988 г. была в 8-й день апреля; то крещение князя Владимира по всей вероятности происходило 8 апреля, в день Святой Пасхи, что согласно и с древним обычаем креститься в этот праздник. А крещение киевлян, по одному древнему известию (Синодальная рукопись N 323), совершилось 1 августа того же года. См. «Русские Святые» преосвященного Филарета Черниговского, июль, с. 98.

15 Владимир привез с собою из Корсуна мощи святого Климента, папы Римского, и ученика его Фива; честные кресты (может быть, те самые, которые назывались Корсунскими и Владимировыми в Новгороде и теперь находятся под тем же именем в Московском Успенском соборе) и многие иконы, в том числе иконы Спасителя (теперь в том же соборе в Москве), Богородицы и первоверховных апостолов (обе в Новгородском Софийском соборе, куда, по преданию, присланы от самого Владимира). Он привез также с собою в Киев двое ворот из коринфской меди.

16 В Киевском Синописе рассказывается, что, когда идол Перуна плыл рекою, суевренные язычники бежали по берегу и кричали: «Выдыбай!», то есть выплывай. Он действительно выплыл на берег, и это место названо Выдибичи, или Выдубичи. Впоследствии там сооружен Выдубицкий Михайловский монастырь.

17 В народе сохранилось присловие о крещении новгородцев. «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем».

18 Рогнеда постриглась и назвалась Анастасией. Рассказ об ответе ее Владимиру взят из Тверской летописи (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Ч. I, с. 478).

19 Черноризец Иаков в похвале Владимиру (монах Киево-Печерского монастыря Иаков жил в XI веке. – Прим. ред.).

20 Святополк рожден от жены Ярополка, гречанки, которую Владимир, убив брата, взял к себе беременною.

21 При Дворе Владимира являлся и другой латинский миссионер – Бруно (Русская Беседа. Ч. I, стр. 11). Он ходил проповедывать к печенегам.

22 Вероятно, святой Владимир прожил около 60 лет.

23 «Похвала кагану нашему Владимиру, писанная митрополитом Иларионом» (Прибавление к творениям святых отцов. Ч. II, с. 281). Сегодня это произведение более известно как «Слово о Законе и Благодати» – по церковной традиции читается в день памяти святого равноапостольного князя Владимира, 15 июля (см.: Минея, июль. Ч. III, с. 405–414) – Прим. ред.

24 Черноризец Иаков для успокоения современников говорит: «Не будем дивиться, возлюбленные, если он по смерти не творит чудес: многие праведники не творили чудес и, однако, святые», – и потом приводит слово Златоуста, который учил, что святые люди узнаются не по чудесам, а по делам.

25 «Тогда же взяты из гроба некоторые останки просветителя России, известные донныне, каковы: глава благоверного князя, находящаяся в Великой церкви Киево-Печерской Лавры, челюсть – в Московском Успенском соборе и ручная кисть – в Киево-Софийском соборе» (Преосвященный митрополит Макарий. «История Русской Церкви». Ч. I, с. 68).

26 Из службы святому Владимиру. Она известна по рукописи XIII века и писана во время уделов, как видно из последних слов тропаря: «Моли спастися державы твоя начальником, христоробивым князем и множеству владомых».

27 По летописи Иоакимовой, Борис и Глеб родились от греческой царевны Анны, а по свидетельству Нестора и черноризца Иакова – от христианки Болгарыни.

28 При жизни Владимира получили уделы: Изяслав, Ярослав, Борис, Глеб, Святослав, Всеволод, Мстислав и Святополк.

29 Древнее житие свв. Бориса и Глеба в Чтениях в Императорском Московском Обществе Истории и Древностей Российских. 1858, книга I, с. 4.

30 Преподобный Нестор замечает о мученической кончине святых князей: «Видите ли, как важна покорность старшему брату? Если бы они воспротивились ему, то едва ли бы удостоились такого дара от Бога. Потому что и ныне много юных князей, которые не покоряются старшим, сопротивляются им и бывают убиваемы; но они не удостоиваются благодати, как сии святые братья».

31 «Русские святые», июль, с. 137.

32 Из службы святым Борису и Глебу, находящейся в рукописи XII века. В «Истории Русской Церкви» преосвященного Макария (ч. 1, с. 244–250) помещена служба полнее, как весьма древний и, вероятно, первый опыт песнопений Русской Церкви.

33 Мощи преподобного Ефрема, обретенные в 1572 году, почивают открыто в соборной церкви Новоторжского Борисоглебского монастыря. При них нетленная глава брата его Георгия, которая по завещанию преподобного Ефрема была положена с ним в могилу.

Глава II

Разделение России на уделы. Великий князь Ярослав I. Распространение христианства. Различие между православной и латинской проповедью Евангелия. Иерархия Русской Церкви. Способы содержания духовенства. Церковное управление. Уставы Владимира и Ярослава о судах церковных.

Разделение России на уделы имело гибельные последствия для государства; но Промысл Божий и из этого великого зла извлек благо для Церкви Своей. Сыновья святого Владимира, просвещенные христианством, отправляясь в свои уделы, брали с собой священников, созидали храмы и заботились о водворении христианства. Исторические предания свидетельствуют, что святой Борис содействовал утверждению веры в Ростове, Мстислав – в Тмутаракани, Судислав – в Пскове, Изяслав – в Полоцке и что святой Глеб несколько раз, хотя и безуспешно, пытался просветить Крещением жителей Муромы.

Князь Ярослав Владимирович Мудрый *Реконструкция М.М. Герасимова*

Ярослав-Георгий, которого преподобный Нестор называет христороубцем, а позднейшие историки – великим и мудрым, сделавшись единодержавным обладателем России, ревностно продолжал святое дело равноапостольного отца своего, употреблял все средства к утверждению в Русской земле веры Христовой, заботился о распространении священных и назидательных книг, повелевая писцам своим списывать их и предлагать для чтения всем желающим; создал в Киеве великолепный Софийский собор по образцу знаменитого храма, воздвигнутого Юстинианом в Константинополе, хотя и в меньших размерах, и украсил его мозаическими

картинами и византийскими фресками¹. Он построил еще несколько храмов в разных областях своего обширного государства, даже самых отдаленных, как, например, в Чудской стороне, где он основал г. Юрьев (ныне Дерпт) с храмом Ангела своего, святого великомученика Георгия. Везде, где мог, он заводил училища; любил духовенство и иноков; ревностно заботился укоренить благочестие в собственном благословенном семействе. Супруга его Анна и сын Владимир прославлены от Бога святостью и нетлением.

Святая благоверная княгиня Анна, дочь шведского короля Олава, называлась в язычестве Индегердою, а во святом Крещении Ириною. По кончине супруга она постриглась с именем Анны и скончалась 10 февраля 1050 года.

Святой князь Владимир Ярославич Новгородский в юных годах получил от родителя Новгородское княжение и княжил там 18 лет. Оставив о себе незабвенную память сооружением Софийского собора, первой и важнейшей святыни Великого Новгорода, донныне уцелевшей во всей древней красе своей, он преставился на 33-м году от рождения², 4-го октября 1052 года, и был погребен в апсидной (красного шифера) гробнице рядом с матерью блаженной княгиней Анной в Корсунской паперти Софийского собора³.

Возвратимся к рассказу о распространении христианства при святом Владимире равноапостольном и ближайших его преемниках.

На юге России, близ средоточия власти духовной и княжеской, проповедь евангельская имела наиболее успеха: в конце XI века там было семь епископий⁴; не только по городам, но и по многим селениям стояли храмы христианские. Между тем восток России еще мало был знаком с христианством, а в северо-восточных дебрях и болотах еще господствовало язычество; оно держалось там даже и в начале XII века. Святители и смиренные иноки принимали на себя трудный подвиг просвещать светом истины грубых язычников.

В Новгороде, как мы уже видели выше, дело первоначального обращения народа обошлось не без сопротивления, которое надлежало укрощать силой. Окончательное утверждение святой веры в Новгороде суждено было первому Новгородскому епископу, блаженному Иоакиму. Прибыв к своей пастве, он ниспроверг остальных идолов, построил деревянный соборный храм и при нем основал монастырь, называвшийся Десятинным⁵. Ревнуя о христианском просвещении, он поставил ученика своего Ефрема в должность наставника в училище, куда Ярослав велел собрать до 300 детей. Пастырские труды блаженного Иоакима продолжались 37 лет (993 – 1030)⁶.

В области Ростовской, несмотря на ревностные подвиги первого епископа Феодора, многие жители еще не принимали Крещения и были столько упорны и неприязненны к святителю, что он принужден был покинуть Ростов и переселиться в Суздаль, где проповедь его была успешнее⁷.

Дикая страна вятичей оставалась в язычестве до конца XII века. Один только из древнейших городов ее, Курск, был христианским городом ранее прочих соседних мест.

Удел святого Глеба – Муром – также долго упорствовал в язычестве, чему способствовало в особенности то обстоятельство, что после кончины святого Глеба Муромская область долго оставалась без близкого княжеского надзора. Первый из князей, поселившихся в Муроме, святой Константин (Ярослав) Святославич, внук Ярослава Первого, отправил сына своего князя Михаила для убеждения муромцев в покорности; но язычники убили юного князя и выбросили тело его из города. Когда Константин приступил к Мурому с войском, жители согласились принять его на княжение, но не захотели принимать новой веры. Константин построил первую церковь Благовещения над могилой сына своего и однажды, когда муромские язычники собрались с оружием, чтобы убить его, вышел к ним один с иконой Богородицы в руках. Пораженные ужасом, язычники пали на землю, единогласно прося крещения. Через

несколько дней после этого чудесного обращения весь народ муромский торжественно крещен в реке Оке⁸.

Во многих местностях, особенно на севере, распространение святой веры встречало препятствия. Особенно волхвы, друзья невежества и чувственных страстей, старались быть подпорой падающего язычества. Суеверия еще долго держались в народе усилиями волхвов, пока власть их над народом не была ослаблена подвигами пастырей Церкви.

Несмотря на препятствия со стороны язычества, христианство нигде не водворилось так мирно, так быстро, как водворилось в России. Сколько борьбы и страданий вытерпели исповедники имени Христова между греками и римлянами! Сколько пролито крови при введении христианства в разных странах Западной Европы и в Америке! В России же не было ничего подобного. Говорят, что русский народ, всегда кроткий и мало испорченный язычеством, спокойно принимал крещение из покорности к уважаемому князю и тем охотнее, что в течение ста лет (от Аскольда до Владимира) привыкал видеть христиан близ себя. Эти причины справедливы; но почему же они не оказали того же влияния при обращении западных славян? Последние – тот же народ, как и славяне восточные, с тем же характером кротости и миролюбия; они жили целое столетие в соседстве западных христиан, тогда как наши предки с трех сторон окружены были язычеством. Однако между западными славянами латинские миссионеры гибли от ярости озлобленного народа, который проливал кровь за своих мнимых богов и не хотел покориться Евангелию.

Значит, мало было одного кроткого народного духа, мало и долговременного знакомства с соседями-христианами. Что же еще нужно было для мирного успеха святой веры?

Необходимо сеять слово Божие так, как сеяли апостолы Христовы и последователи их – проповедники Православной Восточной Церкви.

Латинский миссионер приходил к язычникам с огнем и мечом, с жестоким насилием и корыстолюбивыми притязаниями; проповедуя Христа Распятого, он в то же время проповедовал царскую власть папы Римского. Проповедник восточный не опоясывался мечом, не проливал крови, не зажигал костров; он приходил не с войском, а с картиной Страшного Суда, не требовал земных выгод, не отягчал никого новой земной властью.

Латинский миссионер приносил с собой латинскую Библию, непонятную для народа, к которому он приходил. Проповедник православный приносил Священное Писание в переводе на язык того народа, к которому он обращался с проповедью; сила его проповеди заключалась в силе Слова Божия; вместо него действовала на душу язычника сама Библия. Так было и в России, для которой уже был готов перевод Священных книг – труд святых Кирилла и Мефодия.

Церковная иерархия и правление Церкви, со времени Крещения Руси при святом Владимире, были устроены по образцу Православной Восточной Церкви. Главный архипастырь – митрополит Киевский и всей Руси – избирался и поставлялся в Царьграде от Вселенского Патриарха; начальствовал над епископами, но управлял Церковью не самовластно, а во всех важных случаях сзывал епископов на совет. Князья называли его «отцом». Он принимал деятельное участие в делах общественных, мирил князей, поднимал их на защиту родной земли, останавливал народные волнения.

К счастью новопросвещенной страны, между первыми митрополитами Киевскими было несколько мужей богоугодных. Первый святитель и просветитель земли Русской, ревностный подражатель апостолов, митрополит Михаил, скончался в 992 году. Мощи его прославлены нетлением⁹. Иларион был прежде старшим священником в селе Берестове, где был летний дворец великого князя и где, по примеру отца, любил жить Ярослав, обогащая церковь и причет своими дарами. Блаженный Иларион и тогда был известен великому князю как постник, муж добродетельный и просвещенный. Не довольствуясь священническим служением, он налагал на себя особенные подвиги. Из Берестова часто удалялся он на соседнюю гору, покрытую тогда дремучим лесом, выкопал себе там пещерку в две сажени и в ней предавался уединенной молитве

и богомыслию, удаляясь от шума житейского. Такие подвиги располагали к нему благочестивого князя и возвышали его в общем мнении народа. В 1051 году Ярослав собрал собор епископов в Киеве и предложил им посвятить Илариона в сан митрополита¹⁰. Тогда в первый раз первосвятитель Русский был избран и посвящен собором Русских святителей, по воле Русского самодержца, и из природных русских; в первый раз обнаружилась мысль, что и наша Церковь, подобно многим другим, может сделаться независимой в собственном управлении, не нарушая ни канонов церковных, ни уважения к Патриарху Цареградскому. Перед посвящением Иларион был пострижен в монашество¹¹, а после посвящения испросил себе благословение и утверждение Цареградского Патриарха. О пастырских подвигах блаженного Илариона не сохранилось подробных сведений, но преподобный Нестор замечает, что тогда «вера христианская начала плодиться». В правление Илариона развивалось устройство церковного богослужения и пришли из Греции певцы для обучения русских стройному действенному пению. Тогда же начало процветать русское духовное просвещение: сам Иларион написал «Слово о Законе и Благодати», направленное против иудеев, «Похвалу равноапостольному Владимиру», «Исповедание веры и нравственное наставление». В его же время положено основание Лавре Печерской, которая, как увидим ниже, имела большое значение в истории Русской Церкви. Блаженный Иларион преставился около 1067 года, проведя несколько последних лет в схиме, в пещерном монастыре. Мощи его нетленно почивают в пещерах преподобного Феодосия¹².

Митрополит Иоанн II, посвященный в 1080 году в Константинополе, заслужил имя «доброе». Современный летописец говорит о нем: «Подобного ему еще не было на Руси, да и не будет. Был муж, сведущий в книгах, искусный в учении, милостивый к убогим и вдовицам, равно ласковый к богатому и бедному, смиренный и молчаливый, владевший даром слова и утешавший святыми беседами печальных».

Ефрем, скопец, любимец и казначей великого князя Изяслава, постриженник Печерский, изучивший впоследствии монашескую жизнь на востоке, вынес оттуда знание устава иноческой жизни и благочиния Церковного. Возведенный в сан епископа Переяславского, он управлял делами митрополии за болезнью митрополита Иоанна III и в 1090 году называется митрополитом, хотя постоянно жил в Переяславле-Южном, укрепив его каменной стеной и украсив несколькими храмами. Блаженный Ефрем установил празднование 9 мая, в память перенесения мощей святителя Николая Чудотворца из Ликии в итальянский город Бар, завел в разных местах больницы для безмездного пользования больных и за благодеяния свои получил от Господа дар творить чудеса при жизни и после смерти. Преставился в первых годах XII века и погребен в построенной им соборной Архангельской церкви в Переяславле. Ныне мощи его почивают в Антониевых пещерах.

Епархии управлялись епископами. Избрание епископа в удельном княжестве почти всегда зависело от князя, который представлял избранного митрополиту для посвящения. Власть епископа, сообразно с правилами Православной Церкви, была чисто духовная. Он поставлял служителей алтаря, судил их и наказывал по правилам Церковным. Епископы призывались на совещания народные, мирили князей в их распрях, и князья не решались на важные предприятия без благословения архипастырей. Более других епископов участвовал в гражданском управлении Новгородский владыка, избираемый (после кончины Ярослава I) народным вече с участием князя, игуменов и Софийского причта.

Способы содержания митрополита и епископов состояли из десятины доходов, пожертвованных князьями в пользу Церкви, из судебных пошлин и из доходов с недвижимых имений, пожертвованных в пользу Церкви¹³. Эти доходы митрополит и епископы употребляли не для себя одних, но и на содержание соборного храма с его причтом, на пропитание нищих, больных, странников, сирот и вдов, на пособия потерпевшим от пожара и неурожая, на возобновление храмов и монастырей. Так дом каждого святителя был домом призрения всякой нищеты.

Приходские храмы иногда обеспечивались пожертвованиями своих строителей и благотворителей. Христолюбец Ярослав, поставляя храмы по городам и селам, давал священникам «от имени своего урок», т. е. определенное жалованье. Общим же источником содержания причтов были добровольные приношения от прихожан, как это издревле и постоянно существовало в Церкви Восточной.

Православная Церковь Русская управлялась на основании Греческого Номоканона (называвшегося позднее Кормчей книгой), принесенного в Россию из Царьграда вместе с православной верой. Усердием двух христианских князей – равноапостольного Владимира и сына его Ярослава, даны два новых устава, касающиеся Церковных дел, по духу и по существенным основаниям совершенно согласные с древними Церковными правилами, но в некоторых частностях примененные к особым потребностям Православной Церкви среди русского народа¹⁴.

Церковный устав святого Владимира дошел до нас в разных списках, более или менее пространных и относящихся к разному времени (от XIII до XVII века). Он состоит из трех существенных частей. В первой из них говорится о десятине, дарованной великим князем в пользу созданной им в Киеве церкви Пресвятой Богородицы. Во второй части исчисляются предметы суда церковного, переданного митрополиту и епископам, или те преступления, по которым должны подлежать суду Церкви все христиане земли Русской. К таким преступлениям отнесены: 1) дела против веры и Православной Церкви, как-то: суеверие, еретичество, колдовство или волшебство, отправление языческих обрядов, святотатство, оскорбление храмов и ограбление могил; 2) дела семейные: похищение жен, вступление в брак в запрещенных степенях родства и свойства¹⁵, ссоры между мужем и женой, обличенное прелюбодеяние, оставление матерью незаконнорожденного младенца, противоестественные пороки, оскорбление родителей и тяжбы о наследстве. Третья часть включает в себя лиц, подлежащих ведомству Церкви. Здесь поименованы: 1) лица, служащие Церкви: игумен, поп, диакон и те, кто в клиросе (причетники), попадья, попович, чернец, черница и просвирица; 2) лица, принятые под покровительство Церкви и получающие содержание из церковных доходов: вдова, слепец, хромец, калека, лечец (врач), прощенник (получивший чудесное исцеление), прикладень или прикладник (человек, находящийся под епитимией, и потому временно отданный в руки Церкви), задушный человек (раб, отпущенный на волю по духовному завещанию господина), странник и паломник. Сверх того, тот же устав предоставляет, по примеру Византийского законодательства, наблюдению епископов городские весы и всякие мерилы и воспрещает тиунам, или судьям, нарушать церковные суды или судить их без святительского наместника.

Христолюбивый Ярослав в дополнение церковного устава, данного отцом его, дал свой устав по церковным делам при митрополите Иларионе, незадолго до своей кончины. Этот устав, дошедший до нас в многочисленных разнообразных списках, имеет свои особенности. О некоторых предметах, изложенных в уставе святого Владимира, он вовсе не упоминает, как-то: о десятине в пользу Церкви, о торговых мерах и весах, о тяжбах за наследство. О других предметах, например, о преступлениях семейных и нарушающих целомудрие, о незаконных браках и разводах, о незаконном рождении детей, в уставе Ярослава говорится гораздо подробнее, нежели в уставе святого Владимира.

Кончина Ярослава Мудрого. Наставление детям.

Отличительные черты Ярославова устава состоят в следующем: 1) суд церковный отделяется от светского или княжьего; 2) определяются более ясным и точным образом степени преступления и виды наказаний – епитимии, денежные пени и градские казни. Назначение последних предоставляется князю, – существенное различие уголовного суда древней России от Западной Европы, где право налагать уголовные наказания было предоставлено судьям церковным; 3) оставляя неприкосновенным святительский суд над лицами, подведомственными Церкви, Ярослав исключает из этого суда дела уголовные (душегубство и кражу с поличным). Если кто из лиц, состоящих в ведении Церкви, был обвиняем в этих делах, то подлежал суду смешанному, т. е. князьему вместе с церковным.

Церковные уставы Владимира и Ярослава имели повсеместное значение в земле Русской. Удельные князья, со своей стороны, делали применение этих уставов в своих областях по своему, конечно, усмотрению.

Примечания

1 Киевский Софийский собор заложен в 1037 году; год окончания и освящения его неизвестен. День освящения, 4 ноября, установлено было праздновать ежегодно. Многие мозаики и фрески уцелели до нашего времени.

2 Новгородский Софийский собор основан в 1045 году и освящен 14 сентября 1052 года. В алтаре его сохранилась мозаика, а в средней главе – изображение Спасителя со сжатой рукой; то и другое современно построению собора. Более подробные сведения о Новгородском Софийском соборе – в книге моей: «Святые и древности Великого Новгорода», с. 7–64.

3 Нетленные мощи святых князя и княгини в 1652 году перенесены Новгородским митрополитом Макарием из притвора в собор и переложены в новые деревянные гробы. Впоследствии они переложены в серебряные раки: мощи св. княгини Анны – в 1861 году, а мощи св. князя Владимира – 7 сентября 1862 года, накануне торжества тысячелетия России. Деревянная рака, в которой нетленные останки блаженного князя покоились более 200 лет, сохранилась совершенно свежей, как бы новая.

4 В Киеве, Чернигове, Белгороде, Юрьеве, Турове, Переяславле, Владимире-Волынском и Тмутаракани. Тогда же на севере Руси было только три епископа: в Новгороде, Полоцке и Ростове.

5 Вероятно, потому, что в пользу архиерейской кафедры собиралась десятина. Впрочем, этот монастырь существовал недолго, и последующие летописцы о нем не упоминают.

6 Блаженный Иоаким и блаженный Лука, по прозванию Жидята, первый из русских удостоенный сана епископского, местно чтятся в Новгороде. Мощи их перенесены в XVII веке в золотую или Мортирьевскую паперть Софийского собора. После блаженного Луки сохранилось пастырское поучение (История Русской Церкви Преосвященного Макария. Ч. 1, с. 262–263).

7 Мощи святого Феодора, первого епископа Ростовского и Суздальского, открыто почивают в Суздальском соборе.

8 Подробное исследование о времени и происхождении святого князя Константина можно видеть в Истории Русской Церкви Преосвященного Филарета, ч. 1, с. 23–24. Нетленные мощи святого князя Константина и сыновей его Михаила и Феодора обреты 21 мая 1553 года и положены открыто в Благовещенской церкви монастыря, основанного в то же время по обещанию царя Иоанна Грозного.

9 Мощи святого митрополита Михаила погребены в Десятинной церкви, обреты нетленными в 1103 году и тогда же перенесены в Антониеву пещеру, а в 1730 году – в Великую церковь Печерскую. По Иоакимовой летописи он был родом из Болгарии южной.

10 Нет достоверных сведений о том, почему Ярослав не хотел принять митрополита из Константинополя; но можно полагать с вероятностью, что после войны, вероломно начатой греками и оконченной страшной жестокостью – ослеплением 800 русских пленных, он хотел порвать единственную нить своей зависимости от Греческого императора, по воле которого, как известно, поставлялись Русские митрополиты в Константинополе. Впрочем, нет сомнения, что избрание и посвящение Илариона было правильно: по древним правилам Церкви, избрание митрополита предоставлено было епископам той области, для которой он избирался (Апостольские правила – Первого Никейского Собора правило IV).

11 В Исповедании своем Иларион говорит: «Аз милостью человеколюбивого Бога мних и пресвитер Иларион, от богочестивых епископов священ был...» (Прибавления к Творениям святых отцов. Т. II. с. 255).

12 О том, что мощи блаженного митрополита Илариона почивают в пещере с именем преподобного Илариона-схимника, смотри Историю Русской Церкви Преосвященного Филарета. Ч. 1, с. 126, и «Сказания о жизни и подвигах св. отцев дальних пещер Киево-Печерской Лавры» игумена Модеста. Во многих древних рукописях митрополит Иларион называется святым, а в Киевском каталоге Русских архиереев сказано о нем, что он «положен был в Печерском монастыре и крайней ради его добродетели был свят и чудотворец предивен».

13 Начало владения недвижимыми имениями относится к самым древним временам Русской Церкви; о них упоминается еще в уставах святого Владимира и Ярослава. Для Печерской обители еще при жизни прп. Феодосия пожертвованы были поместья.

14 Хотя Номоканон был положен в основание уставов Владимира и Ярослава, но эти последние разнятся от Греческого Номоканона некоторыми особенностями. Так, например, святой Владимир дал русскому духовенству десятину, которой не пользовалось духовенство греческое. Дела о публичных играх, о самоубийцах, о публичных банях, о рабах, отыскивающих свободу, о лихоимстве, отнесенные Номоканоном к духовному суду, не упомянуты в Русских церковных уставах, а в «Русской Правде» Ярослава почти все подчинены суду гражданскому.

15 Браки были допущены между правнучатными и далее, брак между внучатными считался незаконным и подлежал расторжению. Четвертый брак был безусловно запрещен; третий

хотя считался осквернением, но разрешался под некоторыми условиями. Самовольный развод наказывался денежной пеней и сверх того княжеским судом («князь казнит»).

Глава III

Начало иночества в России. Основание Киево-Печерской обители.
Преподобные Антоний и Феодосий. Сооружение Великой церкви.

Церковные уставы святых Владимира и Ярослава упоминают об игуменах, чернецах и черницах. И действительно, некоторые монастыри мужские и женские существовали со времени Крещения Русской земли¹. Но эти обители, основанные князьями или епископами при кафедрах, известны почти только по имени и не сделались рассадниками русского иночества, доколе не возникла дивная обитель Киево-Печерская.

«Много монастырей, – пишет преподобный Нестор-летописец, – поставлено от князей, от бояр и от богатства; но не таковы они, каковы поставленные слезами, пощением и молитвой. Антоний не имел ни золота, ни серебра, но все стяжал слезами и постом».

Антоний, в мире Антипа, родился в местечке Любече, недалеко от Чернигова. Здесь поныне показывается пещера, в которой юный Антипа испытывал силы свои в великих подвигах иночества. «Бог положил ему на ум, – говорит преподобный Нестор, – желание странствовать, и, странствуя, достиг он Святой Горы (Афонской). Здесь он смотрел многие обители чудные и, возжелав облещись в чернические ризы, молил игумена одной из обителей постричь его; тот возложил на него монашеский образ, назвав его Антонием, и учил его монашескому чину». По примеру большей части тогдашних черноризцев Афонских, Антоний избрал для себя образ жизни отшельнический. Близ одного монастыря Афонского, Есфигмена, в котором он принял пострижение, доселе называют пещеру, где начал свои подвиги первоначальник иноков русских. Успехи его в духовной жизни, постоянно возрастающие, радовали всех. Тогда игумен сказал ему: «Антоний! Иди опять в Россию, и да будет тебе благословение от Святой Горы; от тебя произойдет множество черноризцев».

Антоний пришел в Киев (около 1028 года) и, ища себе здесь места для жительства, обходил монастыри, но не захотел ни в одном из них остаться. Затем начал ходить по дебрям и горам и пришел на холм, где существовала уже небольшая пещера, ископанная священником Иларионом (впоследствии митрополитом). Возлюбив это место, преподобный Антоний поселился на нем и выкопал себе пещеру при подошве холма, пребывая в молитве, трудах, посте и бдении, не давая себе покоя ни днем, ни ночью; сухой хлеб, и то через день, был его пищей; простая вода, и то в меру, была его питьем. Вскоре о подвигах Антония узнали люди: одни приносили ему необходимое для жизни; другие просились к нему в сожительство.

Первый поселился при нем преподобный Никон, иеромонах, которому преподобный Антоний поручал постригать приходивших к нему впоследствии. В 1032 году пришел Феодосий.

Замечательна жизнь этого избранника Божьего с самых первых лет его юности. Родившись в городе Василеве (близ Киева) и вскоре переселившись с родителями в Курск, Феодосий едва начал приходить в сознание и возраст, как уже обнаружил в себе самое благочестивое настроение души. Каждый день ходил он в церковь и со всем вниманием слушал Божественную службу; чуждался детских игр, не любил светлых одежд, какие давали ему родители, а облакался в простые и убогие; сам упросил родителей отдать его на учение книжное к одному из городских учителей и вскоре так успел в знание Священного Писания, что все чудились премудрости и разуму мальчика; он отличался совершенной скромностью и покорностью не только учителю, но и соученикам своим. На 13-м году лишившись отца своего и оставшись под надзором матери – женщины строгой и упорной, не сочувствовавшей влечению сердца

его, хотя и пламенно любившей сына, – Феодосий еще более начал подвизаться. Смирение его простиралось до того, что он с рабами своими, в простой одежде, ходил на работы; по-прежнему удалялся игр со сверстниками и не хотел надевать нарядной одежды, несмотря ни на увещания матери, ни даже на сильные от нее побои. Услышав о святых местах Палестинских и встретив странников, которые шли туда, Феодосий упросил их взять его с собой и тайно от матери ушел с ними. Мать догнала его, наказала побоями и несколько времени держала в оковах. Сын принужден был остаться дома и по-прежнему часто ходил в церковь. Заметив, что литургия совершается редко по недостатку просфор, он стал печь просфоры; потом возложил на себя железные вериги. Но когда мать заметила это по крови на одежде сына, она сорвала с него вериги.

Но ничто уже не могло удержать юношу от стремления к подвижнической жизни. Тайно от матери ушел он в Киев, обходил там все монастыри и наконец пришел к преподобному Антонию, подвизавшемуся в пещере. Бросившись к ногам отшельника, юноша со слезами умолял принять его к себе. «Чадо, – сказал ему Антоний, – видишь пещеру мою; она трудна для жизни, место мое тесное. Ты молод, не вытерпишь». Феодосий отвечал: «Сам Бог привел меня к твоей святыне; буду делать все, что ты мне повелишь». Принятый в пещеру, Феодосий, по приказанию Антония, был пострижен Никоном и со всем жаром чистой души предался трудам подвижничества, так что опытные старцы Антоний и Никон дивились подвигам юноши. Еще раз надлежало ему вытерпеть борьбу с материнской любовью: мать отыскала его и насильно влекла к себе, но Феодосий убедил ее оставить мир и постричься в женской обители при церкви святителя Николая, на могиле Аскольдовой.

Жизнь пещерная была вообще строга. Отшельники питались одним ржаным хлебом; в субботу и в воскресенье они ели сочиво (вареный горох или бобы). Чтобы иметь хлеб, занимались простым рукоделием; продавали его, покупали рожь и, разделив ее между собой, сами мололи на ручных жерновах. По окончании утрени копали землю в огороде; после литургии трудились в подземных своих кельях. Феодосий трудился более обоих старцев. Крепкий телом, он брал на себя часть их работы: носил за них воду, рубил дрова, молот рожь. Иногда в знойную ночь, обнажив плечи и грудь, он отдавал тело свое в пищу комарам и мошкам, кровь текла по нему, а он спокойно пряд и пел псалмы. В храме, устроенном в пещере, являлся он прежде других и, став на месте, не сходил с него до конца службы.

Тогда, по словам преподобного Нестора, три светила сияли в пещере: Антоний, Никон и Феодосий. Вскоре присоединился к ним еще один подвижник – преподобный Моисей Угрин (Венгерец), родной брат Георгия и Ефрема, вместе с ними служивший у князя Бориса. Когда святой Борис был умерщвлен на реке Альте, он один уцелел из слуг князя и скрылся у сестры его, княжны Предиславы. После того он попался в плен и отведен в Польшу, где томился пять лет в оковах. Крепкий телом и красивый лицом, он невольно обратил на себя внимание одной знатной и богатой польки. Воспламененная страстью, она выкупила его из оков и всячески старалась привлечь к себе. Но напрасно источала она ласки и угрозы; напрасно заключала его в темницу и томила голодом; напрасно предлагала свои богатства и даже предлагала свою руку; напрасно жаловалась на своего невольника королю Болеславу, которого благословением пользовалась: ничто не могло поколебать нового целомудренного Иосифа. Дав Богу обет быть иноком, он вскоре получил возможность достигнуть своей цели: к нему пришел афонский черноризец и тайно постриг Моисея.

Узнав, что пленник – уже инок, искусительница запылала злобой, велела ежедневно бить его палками и наконец – сделать евнухом, так что страдалец, истекая кровью, едва остался жив; а Болеслав в угоду неистовой женщине выгнал всех черноризцев из своих владений. Суд Божий не замедлил покарать нечестие и неправду: Болеслав умер внезапно; поднялся мятеж в земле ляхов, много панов было избито народом, и в числе их погибла и та нечестивая полька, которая мучила целомудренного Моисея. Это было около 1027 года. Мало-помалу собравшись

с силами и оправившись от жестоких страданий, многострадальный Моисей спустя несколько лет пришел в пещеру к преподобному Антонию. Здесь провел он десять лет в посте и молитвах, но был постоянно больной и слабый телом. За великую победу над нечистой страстью Господь дал ему власть врачевать эту страсть и в других. Один брат, мучимый волнением плоти, пришел к преподобному Моисею и просил у него помощи. «Во всю жизнь не говори ни с одной женщиной», – сказал мученик целомудрия и коснулся тела брата своего посохом, без которого не мог ходить от прежних терзаний; нечистая страсть утихла, и брат освободился от искушения. Преподобный Моисей предузнал блаженную свою кончину².

Слава преподобного Антония привлекла в пещеру его еще двух подвижников из знатных бояр. У первого боярина при великом князе Изяславе (сыне Ярослава I) был сын, который любил слушать беседу преподобного Антония и его сподвижников и пожелал по примеру их отречься от мира. Отвергая мирскую пышность, оставив жену и дом отца, он просил о пострижении. Антоний напомнил ему о важности обетов иноческих, о власти отца, о гневе великого князя. Юноша отвечал, что готов потерпеть даже мучения, но не возвратится в мир. Тогда Никон постриг его по воле Антония и назвал Варлаамом.

В то же время пришел к дивному старцу другой любимец великого князя, скопец, пользовавшийся полным доверием Изяслава. По усердной просьбе его он был также пострижен и назван Ефремом.

Пострижение этих двух важных лиц сильно прогневало Изяслава; он потребовал к себе Никона, с гневом допрашивал его и велел ему убедить новопостриженных воротиться домой, угрожая в случае неисполнения его воли сослать в заточение всех старцев и раскопать пещеру. «Делай, что хочешь, – отвечал преподобный Никон, – а я не могу отнимать воинов у Царя Небесного». Антоний и сподвижники его удалились из своей пещеры с намерением перейти в другую область. Княжий отрок известил о том князя. Супруга Изяслава, родом польская княжна, вступилась за пещерных иноков. «За какое-то дело, – говорила она мужу, – король Болеслав изгнал черноризцев, и много бед вышло из того в Польской земле». Изяслав, боясь гнева Божия, отпустил Никона и приказал воротить уходивших отшельников. Антоний, всегда покорный и смиренный, возвратился в свою пещеру.

Отец Варлаама силой увлек его из пещеры домой и сорвал с него иноческую одежду. Но юный подвижник просидел три дня молча в доме отца без пищи и питья, желая только одного – возвращения в пещеру. Наконец, на четвертый день отец сжалился над сыном, опасаясь, чтобы он не умер голодной смертью, и Варлаам с радостью возвратился в свою пещеру.

С этого времени начало еще более стекаться народа: одни приходили за благословением отшельников, другие просили пострижения. А некоторые из прежних братий стали оставлять пещеру. Так преподобный Никон удалился в Тмутаракань и там основал Богородицкий монастырь. Другой инок, родом болгарин, постриженник монастыря святого Мины, удалился вместе с Никоном к Черному морю и затем один отправился к Царьграду, но, встретив уединенный остров, поселился на нем, отчего и остров долго прозывался Болгаринов. Третий черноризец, преподобный Ефрем, переселился в один из Цареградских монастырей.

По удалении Никона преподобный Феодосий был посвящен в сан пресвитерский и отправлял богослужение в пещерной церкви.

Число братий в пещере простиралось уже до 15 человек. Преподобный Антоний, любя уединение, собрал братию и сказал им: «Бог собрал вас сюда, братия, и над вами почивает благословение Святой Горы Афонской, данное мне постригшим меня игуменом, а от меня перешедшее на вас. Я назначу вам игумена, а сам пойду в другое место жить наедине, как привык издавна». Назначив первым игуменом Варлаама, он выкопал себе новую пещеру, которая и поныне называется Антониевой, или Ближней, в расстоянии 100 сажень от прежней пещеры. Чуждаясь, по глубокому смирению, власти игуменской и сана иерейского и уединяясь в новой пещере, он не переставал быть великим отцом и наставником для всех учеников своих; дух

его постоянно пребывал с братией, и крепкие молитвы его низводили на сердца подвижников благодать небесную, укрепляющую их в жизни духовной. В особенных случаях игумен и братья обращались к нему за советами и наставлениями.

Так, в 1057 году преподобный Антоний не только одобрил желание братии построить монастырь на горе, но и послал от себя к великому князю с такой просьбой: «Князь мой! Бог умножает братию, а место у нас тесное; не подаришь ли ты нам ту гору, что над пещерой?» Изяслав охотно исполнил смиренную просьбу великого отшельника. На горе построили малую деревянную церковь Успения Богородицы, но братья еще жили в пещере.

В это время великий князь Изяслав-Дмитрий основал, в честь ангела своего, монастырь Дмитриевский, украсил его великолепно и, думая возвысить новую обитель над Печерской при помощи богатства, взял туда в игумены Варлаама³.

Тогда братия выбрали на игуменство преподобного Феодосия, и святой Антоний утвердил избрание. Первым делом нового игумена было устройство нагорного монастыря, не dokonченное предместником его Варлаамом: Феодосий построил более обширный деревянный храм, окружил его кельями и оградил тыном. Приняв начальство над братией, он не переменял своего смирения и образа жизни: на труды и на службу церковную выходил прежде всех. Он не отвергал никого из тех, кто желал быть черноризцем, ни бедного, ни богатого, но постригал не вдруг, а прежде испытывал во всех послушаниях.

Окончательно устроив братию на новом месте, бдительный игумен стал вводить в Печерский монастырь (около 1062 года) порядок общежительного жития по уставу Студийскому, принесенному из Цареградского монастыря преподобного Феодора Студита блаженным Ефремом-скопцом⁴. Этот устав перешел из Печерского монастыря во все прочие русские обители, а потому преподобный Феодосий называется «начальником общего жития монашеского в России» и Киево-Печерский монастырь – «старейшим из всех монастырей русских».

Там, кроме игумена, явились и другие подчиненные ему должностные лица. Так domestik, или уставщик, распоряжался пением или чтением в церкви. Церковные строители (пономари) заведовали церковным вином, елеем для лампад и звоном. Эконому поручена была казна и все монастырское имущество. Келарь имел в своем ведении братскую трапезу, просфорню и все съестные припасы. Ключнику, помощнику келаря, вверены были ключи от погребов. Начальник хлебопеков заведовал пекарней. Вратарь находился постоянно при вратах обители.

Братия разделялась на четыре степени: одни еще не были пострижены и ходили в мирской одежде; другие хотя еще и не были пострижены, но ходили в монашеской одежде; третьи были уже пострижены и носили мантию; четвертые были облечены в великую схиму.

Все в обители совершалось не иначе, как с благословения игумена, и освящалось молитвой. В келиях не позволялось братии держать никакой собственности: ни пищи, ни излишней одежды, ни какого-либо другого имущества. Келейные занятия состояли в молитве, чтении и пении псалмов и рукоделии. После повечерия запрещено было инокам ходить друг к другу и беседовать между собой. Для наблюдения за всем этим преподобный Феодосий имел обычай каждую ночь обходить все келлии и если слышал в келлии молитву инока, то благодарил Бога, если слышал беседу двух или трех, то ударял рукою в двери келлии и отходил, а наутро призывал виновных и обличал: раскаивающихся прощал, а на других налагал эпитимии. Для отдохновения братии, проводившей в богослужении большую часть ночи и все утро, назначалось полуденное время, а потому ворота монастырские запирались тотчас после обеда и не открывались до вечерни.

Преподобный Феодосий с величайшей заботливостью и любовью следил за духовным развитием всей братии и не упускал случая подать каждому приличное наставление. Когда он поучал, то говорил тихо, смиренно, как бы умоляя того, к кому обращался; когда обличал виновного, слезы текли из глаз его. Если кто из братьев подвергался искушениям от злых духов,

он призывал его, убеждал не ослабевать в борьбе, указывал на опыты подвижников и подкреплял искушаемого силой своей молитвы.

Но не столько правилами устава и устными наставлениями руководил своею братию богомудрый игумен, сколько примером своей святой, высокой, истинно подвижнической жизни. За братской трапезой он вкушал только сухой хлеб и вареную зелень без масла; не пил ничего, кроме воды; одежду носил ветхую и худую, а под ней колючую власяницу. Для сна никогда не ложился, но после повечерия засыпал сидя. Часто проводил он ночи без сна, в молитве за себя и за обитель, что много раз замечали церковные будильники, слыша плач его и звук земных поклонов, когда приходили за благословением к утрени. Когда наступал Великий Пост, он удалялся в пещеру, известную донныне под именем Феодосиевой, или Дальней, а иногда переходил из нее в другую, близ монастырского села; возвращался в обитель накануне Лазаревой субботы. В свободное время он сам трудился в пекарне, рубил дрова и носил воду.

Смирение преподобного Феодосия было изумительно. Однажды он замедлил до вечера у великого князя Изяслава, где-то далеко от города. Князь приказал одному из своих слуг отвезти его в обитель. Слуга, видя инока в худой одежде, сказал ему дорогой: ты, чернец, всегда празднен, а я живу в хлопотах и в труде; дай мне отдохнуть в повозке, а сам садись на лошадь. Преподобный обменялся местом со слугою и целую ночь то ехал верхом, то шел подле лошади, чтобы не уснуть. Когда рассвело, вельможи, ехавшие к великому князю, при встрече с Феодосием слезали с коней и кланялись ему. Слуга испугался, но смиренный игумен успокоил его и угостил в обители. Столько же замечательно было и милосердие преподобного Феодосия. Он был заступником притесняемых и обиженных. Особенно же любил он бедных. Для них построил он при монастыре особый двор и отделял им десятую часть монастырских доходов. Каждую субботу отсылал он воз хлебов в темницы. Однажды привели к нему воров, пойманных в монастырском селе. Увидев их связанными, преподобный заплакал, велел развязать и накормить их; потом, дав им наставление не обижать других и снабдив всем нужным, отпустил с миром.

По свидетельству преподобного Нестора, Феодосий поучал братию в церкви духовными словами. «Молю вас, братия, – говорил он инокам, – будем подвизаться в посте и молитве. Попечемся о спасении душ наших; возвратимся от злобы и от путей греха, каковы любодержание, татьба, клевета, празднословие, пьянство, объедение, неприязнь к брату. Взыщем Бога рыданием, слезами, пощением, бдением, покорностью, послушанием. Назвавшись чернецами, должны мы каждый день каяться о своих грехах. Покаяние есть путь, приводящий к Богу; он есть ключ к Царству; без него никому нельзя войти в Царство Небесное»⁵.

Сила веры преподобного игумена обнаружилась во многих благодатных опытах. Собрав множество иноков, он не любил собирать запасы для обители, но заботился прежде всего о спасении душ и во всем возлагал упование на Бога. Когда недоставало хлеба и других припасов для братской трапезы и угощения приходящих или вина и елея для церковной службы, то по молитве Феодосия все являлось в свое время; иногда благодетели монастыря с избытком доставляли то, что было на этот раз нужно; иногда пустые закрома оказывались полными.

В обращении с князьями и вельможами преподобный Феодосий оказывал то же смирение, простоту и любовь к правде, без всякого лицемерия, как и в обращении с простым народом, который всегда находил в нем помощника и покровителя. Великий князь Изяслав, весьма любивший добродетельных иноков, по примеру христолюбивого родителя своего Ярослава I нередко посещал преподобного Феодосия и с любовью слушал его наставления, почитая святого старца как отца. Он никогда не позволял себе въезжать в монастырь на коне и не брал с собой многочисленной свиты. Однажды Изяслав пришел в обитель во время послеобеденного отдыха братии, когда Феодосий запрещал впускать кого бы то ни было, чтобы не нарушать покоя иноков; привратник хотя и узнал князя, но не смел впустить его, не доложив Феодосию. Изяслав у ворот дождался настоятеля и не только не оскорбился строгостью устава мона-

стырского, но еще более полюбил Феодосия. Изяславу понравились брашна монастырския. Он спрашивал: отчего его брашна, которые гораздо дороже, не так сладки? «Оттого, – отвечал Феодосий, – что здесь братия все готовит с молитвой и благословением, а твои рабы ссорятся, клянут друг друга и получают побои от приставников, когда готовят тебе трапезу. У нас, когда хотят что-нибудь варить или печь хлебы, пекарь берет сначала благословение у игумена, потом кладет три земных поклона перед алтарем и, зажегши свечу от святого алтаря, разводит огонь; вливая воду в котел, он говорит: “Благослови, отче!” Приняв благословение, он начинает свое дело».

Когда после неудачного похода на половцев в 1067 году Святослав и Всеволод, братья Изяслава, изгнали его из Киева, Феодосий долго отказывался иметь общение с Святославом и никогда не переставал устно и письменно обличать его в незаконном поступке. В церковных молитвах он поминал одно только имя Изяслава и только по усиленной просьбе братии согласился вслед за именем законного князя поминать имя Святослава за любовь его к Церкви. Святослав смиренно выслушивал обличения от святого старца и приглашал его в свой дворец. Однажды Феодосий пришел к Святославу во время пиршества; песни и музыка оглашали дворец княжеский. Феодосий сел поодаль, опустив глаза в землю, и потом, взглянув на князя, сказал: «Будет ли так на том свете?» Святослав прослезился и велел прекратить игры. После уже всегда умолкали игры в палатах князя, когда возвещали о приходе Феодосия. «Если бы отец мой встал из мертвых, – говаривал Святослав Феодосию, – я так не обрадовался бы ему, как твоему приходу».

Несчастливая битва с половцами на реке Альте, после которой Изяслав лишился великокняжеского престола, была предсказана преподобным Антонием князьям, пришедшим к нему за благословением. Военачальник, варяг Шимон (в крещении Симон), друг Феодосия, уstraшенный предсказанием святого отшельника, пал к ногам его и молил, чтобы не погибнуть ему в битве; блаженный старец сказал ему: «Многие падут от меча, преследуемые врагами; но ты, сын мой, останешься жив и будешь положен в том храме, который здесь воздвигнется». И действительно, Симон чудесно уцелел в кровопролитной битве.

Через несколько месяцев изгнанный Изяслав возвратился в Киев и начал гневаться на преподобного Антония за общение его с Всеславом Полоцким, который при Изяславе содержался в темнице, а по изгнании его был возведен киевлянами на престол. Услышав о неудовольствиях против Антония, князь Черниговский Святослав взял его к себе в Елецкий монастырь, незадолго перед тем основанный на месте явления иконы Богородицы на ели. Преподобному Антонию особенно понравилась Болдина гора, покрытая густым лесом, и он выкопал в ней себе пещеру. Скоро собрались к нему иноки⁶. Так смиренный старец и самое гонение обратил в славу Божию.

Возвратясь в свою Киевскую пещеру по просьбе великого князя, который скоро почувствовал, что согрешил перед человеком Божиим, преподобный Антоний был награжден небесной славой за земное унижение. К нему пришли из Царьграда четверо зодчих, нанятых в чудном видении самой Царицей Небесной во Влахерне для построения Ей церкви в Киеве. Царица повелела им идти к Антонию и Феодосию, которых указала им в видении, сказав: «Этот Антоний только благословит вас на труд и отойдет на вечный покой; на другой год последует за ним Феодосий». Окончив рассказ, зодчие спросили: «Где же нам строить церковь?» Антоний сказал: «Подождите три дня». Затем обратился он к Богу с пламенной молитвой и спросил чудесное указание места для храма. По молитве его в одну ночь на избранном месте было сухо, а все окрестности покрыты были росой; в другую ночь одно оно оросилось, тогда как прочие места были сухи. Благословение места для Великой Печерской церкви было последним земным делом дивного Антония. На 90-м году своей многотрудной жизни, 7 мая 1073 года, он мирно предал дух свой Господу⁷.

По кончине преподобного Антония вскоре последовала закладка нового храма на предназначенном месте. Земля эта принадлежала князю Святославу, который охотно подарил ее монастырю и сам первый начал копать ров для основания храма.

Наконец и преподобный Феодосий приблизился к дню блаженного упокоения. Он велел собрать всю братию, находившуюся на послушании в селах и других местах. Когда все собрались, он учил братию со слезами спасению души и богоугодной жизни, пощению, усердию к Церкви, братолюбию и покорности. Вскоре заметили, что блаженный игумен лежал в сильном лихорадочном изнеможении: то томил его холод, то огонь сильно жег его, так что не мог он говорить. В продолжение трех дней был он в таком положении, что думали, не умер ли он. Затем встал он и сказал: «Братия и отцы! Вот я знаю, что время жизни моей оканчивается, как открыл мне Господь еще во время поста в пещере». Благословив избранного братией игумена и простившись со всеми, он лег в постель, взглянул на небо и с веселым лицом громко сказал: «Благословен Бог! Если так, то я уже не боюсь, а с радостью отхожу из сего света». Затем он предал дух свой Господу, 3 мая 1074 года, 65 лет от роду. Мощи преподобного Феодосия погребены были в его пещере. Незабвенны заслуги преподобного Феодосия для русского монашества и вообще для Русской Церкви. Он первый ввел в своей обители общежительный устав, и своим мудрым правлением, своей святой жизнью он дал новую силу этому уставу, доставил ему такое уважение, что его стали вводить во всех монастырях русских. Дух благочестия и подвижничества, укоренившийся при преподобном Феодосии, крепко держался и при его преемниках. Печерский монастырь был сонмом святых подвижников, украшенных различными дарованиями духовными, и рассадником усердных делателей вертограда Церкви во всех краях Русской земли. «Радуйся, насадитель винограда Христова, – так взывает к Феодосию составитель похвального ему Слова, – ибо простерлись ветви до моря и отрасли его до великих рек. Нет страны, ни места, куда ни проникли бы отпрыски от виноградной лозы святого Феодосия».

Строение храма, начатое при разных чудесах и знамениях, продолжалось в краткое время игуменства преподобного Стефана, который вскоре должен был по неудовольствиям с братией оставить обитель и основал вблизи ее новый монастырь – Кловский, или Влахернский, а впоследствии был епископом во Владимире Волынском⁸. После него был четвертым игуменом преподобный Никон, собеседник и первый ученик великого Антония, присный друг преподобного Феодосия, который поручал ему братию, когда временно удалялся из обители. В 1083 году пришли к игумену Никону иконописцы из Царьграда, чудесно нанятые в видении почившими первоначальниками Печерской обители – Антонием и Феодосием, и принесли с собой чудотворную икону Успения Божьей Матери, которая и доныне остается драгоценнейшей святыней Печерской Лавры⁹. Тогда же греческие купцы привезли мозаику на украшение церкви. Но преподобный Никон не дожидаясь освящения храма¹⁰. При преемнике его, игумене Иоанне, 14 августа 1089 года Великая церковь Печерская была освящена митрополитом Иоанном с епископами: Иоанном Черниговским, Исией Ростовским, Лукой Белоградским и Антонием Юрьевским.

Красота и великолепие этого храма изумляли современников. Внутренность его блистала золотом и мозаикой и привлекала взоры иконной живописью. Помост устроен был мозаически из разноцветных камней, расположенных красивыми узорами. Верхи церкви были позолочены; крест, поставленный на главном куполе, был выкован из чистого золота; современники называли Печерскую церковь «небеси подобной» и говорили, что она составляет славу и украшение всей земли Русской.

Когда Великая церковь была освящена, игумен и братия Печерского монастыря решились перенести в нее мощи преподобного Феодосия. Преподобному Нестору, летописцу, поручено было выкопать мощи. Они оказались совершенно нетленными, суставы не распались, и только волосы присохли на голове; на следующий день собрались бывшие в Киеве епископы,

пришли игумены всех монастырей с черноризцами и множество народа. Святые мощи перенесены были в Великую церковь и поставлены в притворе 14 августа 1091 года¹¹.

Великая церковь Киево-Печерской Лавры (1729)

Прославление имени преподобного Феодосия довершено в 1108 году причислением его к лику святых при митрополите Никифоре. Тогда же начали праздновать как день преставления блаженного первоначальника монашеского жития, так и день перенесения мощей его.

«Приидите все верные, – взывает Святая Церковь, празднуя память преподобного Феодосия, – воспоем богоносных отцев, которых прославил Христос Бог наш. Воззовем к ним голосом радости и чистой совести: Радуйся, ангел земной и человек небесный, Антоний преблаженный! Радуйся, восточная звезда златозарная, отец наш Феодосий, светило и пастырь монашествующих! Радуйтесь, похвала наша, помощники и утешители вселенной, водворяясь с ангелами в свете Пресвятой Троицы! Молите Господа, чтобы избавил нас от врагов видимых и невидимых и от всякой беды и напасти!»¹².

Примечания

1 Предание говорит, что еще первый митрополит Киевский, святой Михаил, основал в Киеве монастырь на том холме, где стоял истукан Перуна. Первый святитель Новгородский, блаженный Иоаким, основал Десятинный монастырь при Новгородской Софийской церкви. Ярослав построил в Киеве монастыри: Ирининский и Георгиевский; были и некоторые другие обители.

2 Преподобный Моисей преставился еще при жизни преподобного Антония, 26 июля, вероятно, в 1043 году. Мощи его почивают в пещере Антониевой.

3 Теперь не могут даже указать места, где стоял Дмитриевский монастырь; некоторые полагают, что он был построен на крутом бугре, где теперь лютеранская кирка.

4 Это тот самый Ефрем, впоследствии епископ Переяславский, о котором мы упомянули прежде, исчисляя первых митрополитов Киевских.

5 В одной рукописи отысканы шесть поучений преподобного Феодосия; все они кратки, дышат кротостью, простотой и силой духа. Известны еще два послания его к Изяславу и замечательно слово о «казнях», сказанное после несчастной битвы с половцами в 1067 г.

6 Елецкий Успенский Черниговский монастырь находится близ Чернигова в Болдиных горах. Там находится Елецкая икона Богородицы, явившаяся на ели в 1060 году.

7 Мощи преподобного Антония почивают под спудом в той пещере, где он подвизался. То глубокое смирение, которое он хранил во всю земную жизнь свою, скрывает его от славы человеческой и за гробом («Русские Святые», май, с. 77).

8 Святой Стефан в сане епископа был при перенесении мощей преподобного Феодосия; преставился 27 апреля 1094 года.

9 Эта чудотворная икона в настоящее время привешена над царскими воротами Великой церкви Печерской. Она покрыта золотой ризой, осыпанной множеством дорогих камней, и вставлена в серебряный, вызолоченный круг.

10 Преподобный Никон преставился 23 марта 1088 года. Мощи его почивают в пещере преподобного Антония.

11 Со времени татарского нашествия и разорения Киева мощи преподобного Феодосия пребывают скрытыми в основании Великой церкви, а на том месте притвора, где они прежде почивали открыто, поставлена гробница, прикрытая серебряной вызолоченной доской с изображением преподобного («Киевские пещеры и Лавра»).

12 Стихира из службы преподобному Феодосию. Месячная минея под 3-им числом мая.

Глава IV

Подвижники Печерской обители: затворники, претерпевшие искушение духовной гордости, похоти плотской и сребролюбия; образцы добродетели и служения ближним; проповедники веры Христовой. Распространение христианства в земле Ростовской и на северных окраинах Руси.

Ученики преподобного Феодосия, достойные великого наставника, были сильны духом для подвигов духовных. «Господь собрал таких черноризцев в обители Пречистой Матери Своей, что они сияли добродетелями, как звезды, в земле Русской. Одни крепки были в посте, другие в бдении или в коленопреклонении; иные постились через день или через два дня; другие вкушали только хлеб с водой; иные – вареную зелень, а другие и невареную. Все же пребывали в любви. Младшие покорялись старшим, не смея говорить пред ними иначе, как с покорностью и послушанием великим. А старшие имели любовь к младшим, наставляя их, как детей любезных. Если кто впадал в какое-либо согрешение, его утешали с кротостью, и трое или четверо по любви делили эпитимию одного. Если брат выходил из монастыря, все братия скорбели о том, посылали за ним и просили возвратиться в монастырь. И когда приходил, все шли к игумену, кланялись и умоляли игумена. И потом с радостью принимали брата. Такова была Божественная любовь, таковы смирение и воздержание в святом братстве. И по смерти сияют преподобные, как неугасающая свеча, различными чудесами и молят за нас Бога¹.

Самый трудный и самый опасный вид иноческой жизни – затворничество. В Печерской обители было несколько затворников. Они доказали своим примером, что не может быть такого

искушения, которого бы не вынесли силы человеческие, укрепляемые незримой силой Божьей. Преподобный Исаакий был богатый купец торопецкий. Пожелав жизни иноческой, он роздал все свое имение и пришел в пещеру к преподобному Антонию, прося пострижения. Антоний принял его и постриг. Исаакий наложил на себя тяжелые подвиги: надел власяницу и сверх нее покрылся сырой козлиной кожей, которая на нем высохла, затворился в тесной пещере и молился Богу со слезами. Пища его была просфора, и то через день; воду пил он в меру. Антоний приносил ему то и другое, подавая в малое окошко, куда едва проходила рука. Семь лет провел он в таких подвигах, не выходил из затвора, не ложился набок, но только сидя засыпал ненадолго. С вечера до полуночи он пел псалмы и клал поклоны. Однажды он сел отдохнуть после ночных поклонов. Внезапно пещера озарилась ярким светом. Взошли два светлых юноши. «Исаакий, – сказали они, – мы ангелы, и вот идет к тебе Христос – поклонись ему». Обольщенный затворник, не оградив себя ни крестным знаменем, ни сознанием своего недостойнства, поклонился до земли бесовскому действию, как самому Христу. Бесы воскликнули: «Ты наш, Исаакий, пляши с нами!» Они подхватили его, начали им играть и оставили полумертвым. Наутро Антоний, по обычаю, подошел к окошку и сотворил молитву; ответа не было. Великий старец подумал, что затворник уже преставился; откопали пещеру и вынесли его как мертвеца, но тут заметили, что он еще дышит. Опытные в духовной жизни старцы узнали дело бесов. Во время болезни ходил за ним сначала преподобный Антоний; потом Феодосий взял больного к себе в келью и служил ему. Исаакий был в таком расслаблении, что не мог не только встать или сесть, но даже оборотиться с одного бока на другой. Два года пролежал он ничего не вкушая, лишенный языка и слуха. Денно и ночью молился о нем Феодосий. Наконец, на третий год Исаакий заговорил, начал слышать и, как младенец, стал учиться ходить. Насильно приводили его в церковь, потом приучали ходить в трапезу. Но хотя и лежал перед ним хлеб, он не дотрагивался до него, если кто из братии не положит в руки. Потом Феодосий велел, чтобы он сам приучался брать хлеб; таким образом, мало-помалу Исаакий оправился от страшного потрясения, произведенного в нем нападением бесовским. Он опять начал вести строгую жизнь. Испушенный в затворе, подвижник не захотел уже идти опять в пещеру, но надел власяницу и начал помогать поварам в кухне. Прежде всех приходил он в церковь и стоял неподвижно. Во время зимы ходил он в протоптанных черевьях, так что ноги примерзали к земле, но он стоял на одном месте до конца службы. После заутрени уходил в поварню, приготавливал воду и дрова, разводил огонь. Над ним смеялись, как над юродивым. Укрепившись в силах духовных, он снова вошел в прежнюю пещеру и выдержал много нападений от злых духов, которые являлись к нему в виде лютых зверей и гадов. «Победил ты нас», – сказали наконец бесы. «Вы победили меня прежде, – отвечал им Исаакий, – когда пришли в образе Христа моего и ангелов. Теперь, в подлинном своем виде, вы мне не страшны, вы точно гадки и злы». Еще много лет провел он в подвигах воздержания, поста и бдения до блаженной кончины своей².

Тому же искушению духовной гордости подвергся и другой затворник – Никита, постриженный при игумене Никоне. Желая славы пред людьми и избирая великое дело подвижничества не для Бога, он просил у старца дозволения идти в затвор. Игумен не позволял ему. «Чадю! Ты молод, – говорил он, – и потому не полезно для тебя сидеть праздным; лучше тебе трудиться вместе с братьями, и ты не потеряешь твоей награды; сам ты видел брата нашего Исаакия, как он прельщен был; только великая благодать Божия спасла его, и он творит ныне чудеса». Никита отвечал: «Никогда не соблазнусь я такой вещью, а прошу у Господа, дабы дал мне дар чудотворения». – «Выше сил твоих прошение твое, – сказал Никон, – остерегись брат, чтобы, вознесшись, не упасть. Смирение наше приказывает тебе служить братии». Никита настоял на своем, и тайная гордость его привлекла к нему отца гордости. Явившийся в виде ангела, он дал ему совет оставить молитву и заниматься только книгами, а на себя принял молиться за него и молиться в виду его. Скоро стал Никита прозорливым и учительным. Он послал сказать

Изяславу: «Ныне убит Глеб Святославич в Заволочье, пошли скорее сына твоего Святополка на Новгородский престол». Как сказал он, так и исполнилось: князь Глеб точно был убит 1078 года, мая 30-го дня. Это оправдавшееся прозрение обратило внимание всех на Никиту: князья и бояре стали приходить к нему, чтобы слушать наставления его и предсказания. Никто не мог сравниться с ним в знании книг Ветхого Завета; он знал их на память, но книг Нового Завета он чуждался. По этой последней странности поняли, что он оболещен. Любовь отцов не могла быть равнодушной к несчастью брата. Игумен и подвижники Печерские пришли к прельщенному брату и, помолившись, отогнали от него беса. Они вывели его из затвора и спрашивали о Ветхом Законе, желая что-нибудь услышать от него. Но он с клятвой уверял, что никогда не читал книг. Тот, который прежде знал на память все ветхозаветные книги, теперь не знал ни слова, и отцы едва научили его грамоте. С того времени он посвятил себя посту и чистому, смиренному, послушливому житию, так что превзошел добродетелями других подвижников. В 1096 году он был избран и посвящен в сан епископа Великого Новгорода, где однажды во время пожара молитвой угасил пламя, а в сильную засуху испросил дождь на жаждущую землю. После тридцатилетнего святительства блаженный пастырь скончался 30 января 1108 года и был погребен в Софийском соборе³.

Преподобный Иоанн Многострадальный представляет собой пример тяжелой борьбы с плотской похотью и славной победы над ней, при совокупном действии твердой воли подвижника и благодати небесной. «Послушай, – говорит Иоанн одному брату, страдавшему унынием от борьбы с нечистыми помыслами, – я расскажу тебе, что было со мной. От самой юности много я страдал, мучимый похотью плоти, и не знаю, чего не делал я для своего спасения. По два и по три дня пребывал я без пищи, часто и по целой неделе не ел ничего, томил себя жаждой, носил на себе вериги. В таком страдании провел я три года и все не находил желанного покоя. Я пошел в пещеру, где лежит отец наш Антоний, и пробыл тут день и ночь, молясь пред его гробом. Тогда услышал я голос: “Иоанн! Тебе надобно затвориться здесь, чтобы по крайней мере невидением и молчанием ослабить брань. Господь поможет тебе молитвами Своих преподобных”. С того времени поселился я в скорбной и тесной пещере. Вот уже 30 лет живу я здесь и только недавно нашел покой, а всю жизнь провел обуреваемый страстями. Жестока была моя жизнь в постоянной борьбе с плотским вожделением. Не имея силы выносить эту борьбу, я думал бежать отсюда. Наконец, я возложил на себя тяжелые вериги и выкопал себе яму по плечи; при наступлении Великого поста влез в нее и своими руками засыпал себя землей, так что только руки и голова остались у меня свободными. Так, подавляемый землей, провел я весь пост, не имея возможности двинуть ни одним членом тела. Но и тут не вдруг прекратилось волнение плотское. Ноги мои, засыпанные землей, были как в огне, так что корчились жилы, трещали кости, жар обнимал чрево и все члены мои. Но я забывал лютую болезнь и в душе своей радовался, что через это утихали нечистые движения. Подлинно, я лучше желал сгореть в этом огне для Бога, чем выйти из ямы. Враг спасения навел на меня страх, желая выгнать меня из пещеры. Я увидел страшного змея, который хотел пожрать меня, дыша пламенем, осыпая меня искрами, и много дней продолжалось это действие лукавого. В самую ночь Светлого Воскресения Христова этот змей так напал на меня, что голова моя как бы поглощена была его пастью. Тогда воззвал я из глубины сердца: “Господи Боже и Спаситель мой! Почто оставил Ты меня? Помилуй меня, Ты един человеколюбивый; избавь меня от скверного беззакония моего, чтобы не увязнуть мне в сети неприязненного; избавь меня от врага моего; блесни молнией и прогони его”. Лишь только произнес я эти слова, вдруг блеснула молния; змей исчез, и я не видел его с тех пор. Свет Божественный осиял меня, как солнце, и я услышал голос: “Иоанн! Вот тебе помощь; отселе внимай себе, чтобы не случилось тебе худшее и не пострадал ты в будущем веке”. Я поклонился и сказал: “Господи! Зачем же Ты оставлял меня так долго мучиться?” – “По силе терпения твоего, – сказано в ответ, – навел Я на тебя искушение, чтобы ты был выжжен как золото; крепким и сильным слугам назначает господин тяжкую работу, а

неможным и слабым – малую и легкую; ты молись о себе погребенному здесь против тебя: он может помочь тебе в этой борьбе; он выше Иосифа”. Я не знал имени умершего, уже после узнал, что это был Моисей Угрин. Молись и ты, брат, сему преподобному Моисею». Блаженная кончина преподобного Иоанна последовала в затворе, где он подвизался. Святые мощи его почивают в том же положении, в котором он умер: голова и крестообразно сложенные руки – на виду; все прочее – в земле⁴. В удалении от мира и его соблазнов, отшельники, еще не вполне укрепившиеся в любви к Богу, подвергаются иногда искушению сребролюбия, страсти не столь грубой, как страсти плотские, но тем не менее опасной для души. Несколько подобных примеров было и в обители Печерской. Один инок, по имени Феодор, при вступлении в монастырь раздавший все свое имение нищим, поселился в Варяжской пещере⁵ и провел много лет в строгом воздержании. Но по искушению врага в сердце его зародилась скорбь о розданном имении и желание обогатиться, чтобы не терпеть нужды в старости. Искуситель помог ему отыскать в пещере сокровище, состоявшее из золота и дорогих сосудов. Обрадованный Феодор хотел уйти с богатством своим в мир. По счастью, другой инок, по имени Василий, связанный с ним союзом братской любви, успел привести сребролюбца в раскаяние. Феодор снова забыл сокровище и, чтобы впредь не увлекаться опасными помыслами, поставил у себя в пещере жернова, брал из закромов рожь и ночью молот ее. Между тем до Мстислава, сына великого князя Святополка Изяславича, дошел слух, что Феодор нашел клад в пещере; он призвал Феодора и Василия и стал их допрашивать. Феодор отвечал ему: «Еще при жизни отца нашего Антония слышал я, что в этой пещере было древнее варяжское хранилище. Я видел там много золота и сосудов латинских, но Бог отнял у меня память, теперь не знаю, где зарыл их». Мстислав, будучи пьян, велел мучить Феодора и сам пустил стрелу в Василия, который вынул ее, бросил к ногам князя и сказал, что он сам погибнет от стрелы. Оба инока в ту ночь скончались⁶, а Мстислав через несколько лет был смертельно ранен стрелой.

Другой инок, по имени Арефа, имел много богатства в своей келье и никогда не подавал нищим. В одну ночь воры украли все его сокровище. Отчаяние довело его до тяжелой болезни. Но, выздоровев, он раскаялся, раздал нищим все, что у него осталось, сделался затворником и провел остаток жизни в посте и молитве⁷.

Искушение страсти сребролюбия постигло также преподобного Еразма, который прежде того употребил все свое имение на украшение Великой церкви Печерской. Враг стал внушать ему: «Нет тебе пользы от того, что ты истратил добро свое на церковь; лучше было бы сберечь деньги у себя и подавать нищим». Мучимый помыслом, он занемог и семь дней лежал в бесчувственном положении. На восьмой день Еразм внезапно встал как здоровый и сказал: «Отцы и братия! Я великий грешник, но ныне явились мне отцы наши Антоний и Феодосий и сказали мне: “Мы молились за тебя, и Господь дал тебе время на покаяние”. Потом видел я и Пречистую Богородицу с Предвечным Сыном Ее на руках, и Она сказала мне: “Ты украсил церковь Мою иконами, и Я украшу тебя в царстве Сына Моего; встань, покайся, а на третий день Я возьму тебя к Себе”». После того Еразм исповедал грехи свои пред всеми, постригся в схиму и на третий день умер⁸.

Два киевлянина, Иоанн и Сергей, пред прославленной чудо-творениями Печерской иконой Богоматери заключили между собой духовное братство. Спустя несколько времени Иоанн заболел; чувствуя приближение смерти, он пригласил к себе преподобного игумена Никона и при нем, раздав много имения бедным, завещал 1000 гривен серебра и 100 гривен золота пятилетнему сыну своему Захарии, а до совершеннолетия его отдал это наследство на сохранение другу своему Сергию. Захария, пришедши в возраст, стал просить у Сергия отцовской собственности. «Отец твой, – отвечал Сергей, – отдал имение свое Богу: у него и проси, а я ничем не должен ни тебе, ни отцу твоему; отец твой был так глуп, что раздал имение бедным, а сына оставил нищим». Молодой человек со слезами просить дать ему половину или даже третью

часть наследства, но Сергей отказал. «Если ты ничего не взял у отца моего, – сказал наконец Захария, – то иди и поклянись в том пред чудотворной иконой Богородицы, пред которой ты заключил союз братолюбия с отцом моим». Сергей пошел в церковь и пред иконой Богородицы сказал, что ничего не взял из имени Иоаннова. Но когда хотел он лобызать святую икону, то не мог подойти к ней и закричал: «Преподобные отцы Антоний и Феодосий! Запретите этому жестокому ангелу губить меня; молитесь Пресвятую Богородицу, чтобы прогнаны были от меня злые духи; пусть возьмут серебро и золото в запечатанном ящике, в моей клети». Принесли ящик и нашли в нем 2000 гривен серебра и 200 гривен золота. Пораженный чудом, Захария отдал золото и серебро в распоряжение игумена Иоанна, асам постригся и сделался строгим постником; до самой кончины он не вкушал ничего, кроме сырой зелени⁹.

Безопаснее затворничества путь общежительной жизни, подвиги послушания и отречения от своей воли. В числе смиренных послушников был преподобный Николай Святоша, сын Черниговского князя Давида Святославича, в миру Святослав-Панкратий. Он первый из русских князей добровольно принял иночество, хотя имел жену и детей; одна дочь его была супругой святого князя Всеволода-Гавриила. Оставив княжество, он проходил разные послушания в Печерской обители: три года работал на братию в поварне, сам рубил дрова, носил из реки воду на плечах своих и приготавливал братскую пищу; еще три года стоял у врат монастырских как сторож, не отходя никуда, кроме церкви; отсюда взят был служить при трапезе и своим усердием приобрел общую любовь. После таких подвигов послушания преподобный должен был, по совету игумена и всей братии, поселиться в келлии и заботиться только о собственном спасении. Он повиновался, и никто никогда не видел его праздным. Своими руками он насадил пред своей келлией небольшой сад и постоянно занимался каким-либо рукоделием, имея в устах молитву Иисусову. Не вкушал ничего, кроме общей монастырской пищи на трапезе, и не имел у себя никакой собственности, потому что раздавал нищим и на устройство Церкви все, что получал от родственников. Братья его много старались возратить его в мир, особенно через врача, поселившегося для князя-инока в Киеве. Врач уверял, что такая суровая жизнь очень вредна для здоровья князя. «Да и благочестивые братья твои, Изяслав и Владимир, – говорил врач, – терпят укоризну от твоей нищеты. Кто из князей поступал так? Кто из бояр пожелал иночества, кроме того Варлаама, что был здесь игуменом?» Блаженный отвечал ему: «Много думал я и положил не щадить плоти моей, чтобы она не одолевала меня; пусть она, угнетаемая многими трудами, смирится. Если никто из князей не делал этого прежде меня, то пусть я буду вождем, и кто захочет, пойдет по следам моим. Благодарю Бога моего, что освободил меня от работы мирской и сотворил слугой рабам Своим, блаженным черноризцам. Братия мои пусть думают о своем спасении, а мне прибыток, если умру для Христа». Опыт показал, что подвижническая жизнь надежнее искусства врачевания. Подвижник-князь бывал нездоров; но каждый раз выздоравливал прежде, нежели приходил врач. Раз захворал врач и очень тяжело. Князь-инок послал ему сказать: «Если не будешь пить зелья, будешь здоров; а если не послушаешься, много будешь страдать». Врач не послушался и едва спасся от смерти. В другой раз случилось заболеть врачу: он послушал совета блаженного князя и на третий день выздоровел. В 1142 году преподобный Николай примирил князей Черниговских с братьями великого князя Всеволода и тем прекратил междоусобие; это была последняя земная служба его Церкви и родине: в том же году, 14 октября, он мирно почил¹⁰. Брат его Изяслав выпросил себе на благословение крест и власяницу умершего и надевал последнюю, когда отправлялся на войну, для избавления от опасностей.

Преподобный Алипий, научившись иконописанию от греческих художников, которые расписывали Великую Печерскую церковь, принял пострижение при игумене Никоне, трудился неусыпно и бесплатно писал иконы для игумена, для братии, для церквей Киевских. Если случалось ему получать плату за труд, то одну треть ее употреблял на краски, другую – на милостыню, а третью – на свои нужды. За чистую и добродетельную жизнь он удостоился свя-

щенства и прославлен от Бога даром чудотворения: он помазывал раны своими красками, как лекарством, и больные исцелялись. Одна из икон, чудесно написанных в его келье, находится и теперь в Ростовском Успенском соборе, где она сохранилась невредимой при трех больших пожарах, при падении первого каменного храма и при грабительских набегах татар и ляхов¹¹. Другая икона была также чудесно написана в последние дни жизни Алипия. Он сказал братии: «Ангел, написавший икону, стоит теперь предо мной и хочет взять меня». С этими словами первый русский иконописец предал дух свой Богу¹².

Преподобные Спиридон и Никодим занимались печением просфор, трудясь единодушно в течение тридцати лет. Первый из них, быв неграмотным, выучил наизусть всю псалтирь и прочитывал ее ежедневно при своей работе. Оба они почил около 1140 года¹³.

Марк, называемый пещерником и гробокопателем, живя в пещере, постоянно копал землю и выносил ее на своих плечах, приготавливая места для погребения братии. За свой труд не брал он ничего, а если кто давал ему, он раздавал нищим. Однажды, утомившись от трудов, он не успел раскопать могилу достаточной ширины. Случилось тогда умереть одному из братии. Место оказалось так тесно, что мертвый едва с нуждой был вложен в могилу; братия роптали на Марка, не имея возможности ни убрать покойника, как следовало, ни возлить на него елей. Пещерник смиренно кланялся и говорил: «Простите меня, отцы святые, по худости моей не dokonчил». Инок еще более стали бранить его. Тогда Марк сказал умершему: «Сам, брат, потрудись: возьми и возлей на себя елей». Мертвый протянул руку, взял масло и возлил его себе на лицо и на грудь крестообразно; потом, отдав сосуд, оправил на себе одежду и почил. Когда совершилось это чудо, на всех напал страх¹⁴.

Некоторые из братии Печерской исключительно посвящали себя на служение нуждам ближних: таков был преподобный Прохор, прозванный Лебедником, уроженец Смоленский, постриженный при игумене Иоанне. Он так полюбил воздержание, что лишил себя ржаного хлеба, а вместо него собирал лебеду, растирал ее, пек себе хлеб и тем питался. Кроме просфоры церковной и хлеба из лебеды, он не вкушал ничего, ни овощей, ни вина, никогда не был печален и всегда весело работал для Господа. В княжение Святополка Изяславича, после сильных междоусобий, наступил голод. Лебеды родилось очень много. Блаженный Прохор удвоил труды свои, собирая лебеду и приготавливая из нее хлеб. Всем голодным он раздавал хлеб свой, который казался всем сладким, как будто испеченным с медом; но тот же хлеб, если брали его тайно у Прохора, оказывался нестерпимо горьким. Когда по причине войны между князьями прекратился привоз соли, Прохор собрал золу из всех келлий и раздавал ее нуждающимся: она оказывалась чистой солью. Князь Святополк, желая воспользоваться народным бедствием для своего обогащения, послал отнять соль у Прохора. Привезли отнятую соль: оказалось, что это зола; три дня подержали и выбросили. Тогда нуждающиеся, по наставлению Прохора, стали подбирать пепел, выброшенный князем, и он был для них солью. Узнав, как Прохор делал хлеб из лебеды и соль из пепла, князь с чувством раскаяния пришел в монастырь и примирился с игуменом Иоанном, которого прежде он сослал было в заточение и возвратил только по настоянию Владимира Мономаха. А к блаженному Прохору он стал иметь великое уважение и заключил с ним такой договор: «Если я прежде тебя умру, то положи меня в гроб своими святыми руками, чтобы видно было на мне твое незлобие; если же ты преставишься прежде меня, я возьму тебя на плечи и сам отнесу в пещеру, чтобы Господь простил мне грех мой пред тобой». В 1107 году настало время кончины преподобного Прохора. Святополк собирался тогда на войну с половцами. Блаженный послал ему сказать, чтобы пришел, если хочет исполнить свое обещание. Дав наставление князю, Прохор предрек ему победу, благословил его и вскоре скончался. Князь своими руками перенес его в пещеру¹⁵, потом он отправился на войну и возвратился с победой. После того он пред всяким походом приходил за благословением в обитель Печерскую.

Некоторые из подвижников Печерских имели дар исцеления болезней. При преподобном Феодосии был черноризец пресвитер, по имени Дамиан. Он отличался необыкновенной кротостью и был такой постник, что кроме хлеба и воды не вкушал ничего до самой кончины своей. Если приносили дитя, страдающее каким-либо недугом, или приходили больные в монастырь, преподобный Феодосий поручал Дамиану сотворить молитву над больным. Дамиан совершал молитву, помазывал освященным елеем, и страждущие получали исцеление. Когда он сам заболел и приближался к кончине, ангел явился ему в образе преподобного Феодосия, обещая Царство Небесное. После пришел Феодосий и сел подле него. Умиравший, взглянув на игумена, сказал: «Не забудь же, что ты обещал мне в эту ночь». Великий Феодосий отвечал ему: «Брат Дамиан, да будет тебе, что обещано мной». Он же, сомкнув очи, предал дух свой Господу¹⁶.

При преподобном Антонии постригся безмездный врач Агапит, уроженец киевский. Он помогал великому отшельнику в заботах его о больных. Когда занемогал кто-либо из братьев, Агапит, оставляя свою келлию, переходил к больному брату, служил ему и давал вместо лекарства свою пищу – вареную траву. И больной по молитве его выздоравливал. Если же болезнь продолжалась, блаженный Агапит оставался неотступно при больном, молясь непрестанно, пока Господь подавал здравие по его молитве. Многие из города приходили к нему, и безмездный врач никому не отказывал в благодатной помощи. Сделался болен князь Владимир Мономах, княживший тогда в Чернигове. Не получая помощи от своих врачей, он послал звать к себе Агапита. «Если пойду к князю, – рассуждал блаженный Агапит, – то должен ходить и ко всем. Для человеческой славы не пойду за ворота монастырские, чтобы не преступить обета моего. Если выгонят меня отсюда, пойду в другую сторону и после опять возвращусь». Он не пошел к князю, но послал ему вареную траву, которую употреблял в пищу. Исцеленный князь пришел благодарить чудотворца, но Агапит скрылся. Найдя в келлии золото, положенное князем, он выбросил его вон. Чудесное врачевание безмездного врача Печерского возбудило зависть в армянине, который славился тогда врачевным искусством. Но, убедившись многократными опытами, что во врачевании Агапита действует не искусство земное, а сила Небесная, армянин, вскоре по блаженной кончине Агапита¹⁷, сам сделался иноком и в добрых подвигах кончил жизнь.

Других подвижников Благодать Божественная призывала к спасению путем страданий и телесных болезней. Преподобный Пимен, прозванный многоболезненным, родился больным и вырос в болезнях: страдания очистили душу его от грехов. Много раз просил он родителей, чтобы позволили ему постричься, но им не хотелось отдать в монастырь единственного своего наследника. Наконец, не видя надежды на выздоровление, они решились отнести его в Печерскую обитель, дабы молитвы отцов испросили ему исцеление. Но и эти молитвы остались безуспешными, потому что сам больной усердно молил себе не здоровья, а умножения болезни, чтобы остаться в монастыре. Он желал только одного – иночества. И вот в одну ночь пришли к нему невидимые иноки, совершили над ним обряд пострижения, облекли страдальца в иноческую одежду. Никто не слышал, как пришли они; никто не знал, как в запертой церкви, в раке преподобного Феодосия, очутились волосы Пимена, отнятые при пострижении. Только звуки пения дошли до некоторых; но обряд был кончен, когда пришли к Пимену и нашли его уже постриженным с горящей свечой в руках. Более 20 лет пробыл Пимен в тяжелой болезни, так что прислужники тяготились им, нередко оставляя его без пищи и питья; но он все переносил с радостью. В ту же пещеру принесен был другой больной, чтобы слуге было удобнее ходить за двумя вместе, но и после того часто оставляли их без присмотра. «Брат, – сказал Пимен лежавшему с ним больному, – служащие нам гнушаются нами. Если Бог нас исцелит, можешь ли ты исправлять эту службу?» Больной обещался посвятить всю жизнь на служение больным. По слову блаженного Пимена, он встал здоровым и служил ему; но однажды обленился – и вновь заболел. «Маловажный, – сказал ему Пимен, – разве ты не знаешь, что болящий и слу-

жащий ему получают равную награду? Здесь – скорбь легкая, а там веселье вечное. Бог, который исцелил тебя, может исцелить и меня; но я не желаю. Пусть я сгнию в этой жизни, чтобы там плоть моя осталась без истления; пусть здесь будет вокруг меня смрадный запах, но чтобы там наслаждаться мне неисчерпаемым благоуханием». Перед смертью добровольный страдалец сделался здоров, обошел все кельи, чтобы проститься с братьями, указал себе место для погребения и скончался в мире¹⁸.

Преподобный Григорий-чудотворец постригся еще в игуменство преподобного Феодосия. Под его руководством он обучился смирению, послушанию и нестяжательности; особенно же любил непрестанную молитву и столь успел в духовной жизни, что творил чудеса, провидел будущее и одним приближением своим изгонял бесов. Особенным подвигом его было исправление воров: три раза они покушались обокрасть его. Но он чудесами своими обратил их к покаянию. Недостойному брату Мономаха, князю Родиславу Всеволодовичу, шедшему в поход на половцев, блаженный Григорий предсказал, что он утонет в реке (что вскоре и исполнилось), и за это предсказание сам тотчас был утоплен, по воле разгневанного князя, но на третий день найден мертвым в своей келье, с камнем, привязанным на шею¹⁹.

В числе иноков Печерских был преподобный Нестор-летописец, поступивший в обитель при преподобном Феодосии, незадолго до его кончины, и постриженный при игумене Стефане. Обладая необыкновенными дарованиями и разнообразными сведениями богословскими и историческими, он посвятил труды свои на изображение жизни и чудес новоявленных чудотворцев, святых мучеников Бориса и Глеба; потом написал житие наставника своего, преподобного Феодосия; наконец, положил начало русской летописи, доведенной им до 1110 года. Многих происшествий был он самовидцем, а о других узнал от брата своего по иночеству, монаха Яна Вышатича, жившего 96 лет и умершего в 1106 году, следовательно, родившегося еще при Владимире Равноапостольном. Преподобный Нестор преставился в 1115 году в глубокой старости²⁰.

В жизни преподобного Тита, пресвитера Печерского, находим поразительный пример силы примирения. Он имел искреннюю любовь к иеродиакону Евагрию, но ненавистник добра посеял вражду между ними: они стали ненавидеть друг друга, не могли смотреть один на другого и старались не встречаться. Так прошло много времени; они дерзали совершать литургию и принимать Святые Тайны, не примирясь между собой. Наконец Тит тяжело заболел и послал к Евагрию, умоляя простить его. Братия, видя Тита умирающим, насильно привели Евагрия, чтобы тот простился с братом. Больной, увидя его, поднялся с помощью других и пал к ногам его, повторяя со слезами: «Прости меня и благослови!» Евагрий отворотился от брата и сказал: «Не прощу его ни в этом веке, ни в будущем!» С этими словами он вырвался из рук монахов и упал мертвый, а Тит встал, совершенно здоровый. «Что было с тобою?» – спросили Тита. «Я видел, – говорил он, – что ангелы отступили от меня, а злые духи радовались моей злобе на брата. Тогда начал я просить прощения у брата. Когда привели его ко мне, я увидел ангела с огненным копьем; когда же Евагрий не захотел простить меня, грешного, ангел ударил его копьем, а мне подал руку и исцелил меня»²¹.

В распространении веры Христовой потрудились Киевские подвижники. Преподобный Евстратий-постник попался в плен к половцам, разорившим Печерский монастырь в 1096 году. Он вместе с монастырскими работниками был продан в Корсунь одному еврею. Еврей стал принуждать пленников своих голодом к отречению от Христа. Подкрепляемые наставлениями Евстратия, они решились скорее умереть, нежели изменить вере, и все скончались голодной смертью. Остался один Евстратий, привыкший с юности к посту: он пробыл 14 дней без пищи и питья. В день Пасхи еврей распял Евстратия на кресте; распятый страдалец благодарил Господа Иисуса Христа за то, что Он удостоил его пострадать так, как пострадал Он сам. «Я верую, – говорил он жидам, – что Господь скажет некогда и мне, как сказал разбойнику: днешь будешь со

Мной в рай. Но вас постигнет мщение за кровь христианскую». Раздраженный еврей пронзил страдальца копьем и бросил тело его в море²². Казнь Божия постигла убийцу: он был повешен. Многие из евреев, свидетели страданий и исполнения пророчества распятого инока, уверовали во Христа и крестились. Таким образом мученический подвиг преподобного Евстратия положил основание христианства между хозарами-иудеями.

Нечто подобное случилось тогда и у половцев. В числе пленных, приведенных ими из Киева, находился преподобный Никон (впоследствии прозванный Сухим); он достался в рабы одному половчанину, который держал его в оковах. Богатые родственники хотели выкупить пленника. «Не тратьте понапрасну денег, – сказал он им. – Если бы Господу было угодно, чтобы я был свободен, Он не отдал бы меня в руки беззаконников. Охотно перенесу все, что случится по воле Его». Не получив выкупа, половцы озлобились, начали мучить пленника разными муками: морили голодом, били, жгли на огне, резали ножами, летом сажали на солнце, зимой держали на морозе. И так прошло три года; страдалец молился и наконец, удостоившись откровения, предсказал своим мучителям, что через три дня он будет в Печерском монастыре. Думая, что Никон хочет бежать, половец подрезал ему жилы на обеих ногах; но на третий день, в самый полдень, он вдруг сделался невидимым и внезапно явился, окованный цепями и покрытый ранами, в Великой церкви Печерской. Спустя несколько времени, пришел в Киев половец, у которого Никон был в плену, и узнал своего пленника, так чудесно спасшегося из плена. Это так поразило язычника, что он немедленно крестился, принял пострижение в Печерской обители и усердно служил преподобному Никону Сухому, который прожил еще несколько времени²³. По слуху о чудесном избавлении Никона крестились многие половцы; в последних годах XI века и в начале XII века крестились в Киеве и вступили в брак с русскими князьями три дочери половецких ханов.

Просветителем диких вятичей был преподобный Кукша, священноинок Печерский. Хотя Курск был христианским городом в начале XI века (в раннюю молодость преподобного Феодосия, как мы видели из жития его), но другие поселения вятичей – Мценск, Брянск, Козельск – оставались языческими. Одушевляемый святой ревностью к вере, Кукша с учеником своим оставил тихую Печерскую обитель, чтобы проповедовать Истину Неба грубым язычникам; проповедь сопровождалась чудесами, которые утверждали веру в сердцах простых; большая часть крестилась; но упорные в суеверии, идольские жрецы замучили святого проповедника. «Все ведают, – писал блаженный Симон, епископ Владимирский, о преподобном Кукше, – как он бесов прогнал, вятичей крестил, дождь свел, озеро иссушил, сотворил многие другие чудеса и после многих мучений убит был учеником своим». В один день и час с ним скончался и преподобный Пимен-постник, друг Кукши, исцелявший недужных, имевший дар пророчества и за два года предсказавший свое отшествие к Богу. Став посреди церкви, он громко воскликнул: «Брат наш Кукша теперь убит». Сказав эти слова, он преставился²⁴.

И на север – в землю Ростовскую и Суздальскую – стремились с Евангельской проповедью благодатные чада Антония и Феодосия. Мы видели прежде, что вера Христова еще не укоренилась в Ростове, и первый епископ того края святой Феодор вынужден был оставить Ростов и поселился в Суздале. Преемник его, грек Иларион, после бесплодной борьбы с язычеством, удалился в Царьград. Третьим епископом Ростовским был святой Леонтий, один из учеников преподобного Антония, первый святитель (первопрестольник) из числа иноков Печерских. Он велик по действиям земной жизни, как равноапостольный просветитель Ростовского края. Он велик на Небе, как сильный молитвенник за землю Русскую. В пещеру преподобного Антония пришел он, без сомнения, позднее 1032 года, потому что тогда Феодосий нашел у Антония одного только Никона, а рукоположен в сан епископа прежде 1051 года, т. е. прежде нежели был посвящен блаженный митрополит Иларион, второй святитель из пещерян. В земле Ростовской, населенной чудским племенем мери, святитель Леонтий встретил язычников упорных,

суровых и диких. Они не хотели слушать его, а близкой помощи князя не было²⁵. Увещания и мольбы любви христианской не имели успеха; язычники осыпали святителя бранью, били его и выгнали из города. Но он решился не оставлять вверенного ему стада. Поселясь за городом, близ ручья Брутовщины, он построил здесь деревянный храм архистратига Михаила. Видя невозможность действовать прямо на жителей Ростова, закоренелых в язычестве, он обратился к юному, еще не испорченному поколению: стал приглашать к себе детей, кормил их и ласкал; обласканные дети охотно ходили к Леонтию, а он учил их началам святой веры и потом крестил; вслед за детьми обратились ко Христу и некоторые из взрослых. Но застарелые язычники взволновались и бросились к церкви с дубинами и оружием. Причет, окружавший Леонтия, испугался; но святитель был спокоен, облачился в ризы святительские и вместе с священниками и диаконами, также облаченными в ризы, вышел к дикому народу. Спокойная твердость его поразила язычников: они пали перед ним в страхе, и многие из них крестились. Святой Леонтий рукоположил многих священников и диаконов, но не успел привести ко Христу всю «заблудящую чужь» (как выражается древний писатель жития его). Апостольский подвиг его окончился мученической смертью²⁶.

Преемником великого святителя был также инок Печерский Исая, бывший игуменом Дмитриева монастыря в Киеве по кончине блаженного Варлаама. Он превзошел многих подвижников в посте, молитве и других добродетелях и за высокую жизнь свою был поставлен епископом Ростовской страны в 1078 году. Блаженный святитель, найдя в Ростове людей новокрещенных и еще не утвердившихся в вере, усердно наполнял их учением веры и крестил их; истреблял идолов и на местах их строил храмы²⁷. Утешением для святого Исая послужило участие князя Владимира Мономаха. Этот набожный князь построил на свой счет храм в Ростове и прислал для него одну из чудесных икон преподобного Алипия. Ревностный святитель преставился в 1090 году²⁸.

Почти современно святителю Исаяе трудился в просвещении остальных язычников Ростовского края преподобный Авраамий, не принадлежавший к Печерскому братству. Неизвестно, откуда пришел он в Ростов, где весь чудский конец города поклонялся еще каменному идолу Велесу. Близ озера Неро Авраамий поставил себе убогую хижину, начал принимать приходивших к нему христиан и поучал их Закону Божию, а вместе и молить Господа, чтобы помог сокрушить идола Велеса и привести ростовцев к истинной вере. Скорбя об этом всей душой, благочестивый старец скоро удостоился видения святого евангелиста Иоанна Богослова, который вручил ему жезл для сокрушения идола. Идол немедленно был сокрушен. На том месте, где явился святой Иоанн Богослов, Авраамий поставил церковь, а там, где стоял прежде Велес, устроил первую в Ростове иноческую обитель с малым храмом во имя Богоявления Господня. При помощи Божией преподобный Авраамий мало-помалу привел ко Христу и крестил всех остальных язычников города Ростова и почил в глубокой старости²⁹.

Около того же времени христианство укоренилось и в других окраинах Русской земли. Так, в пределах древней Биармии, при слиянии двух рек, Сухоны и Юга, в начале XII века существовал Троицкий Гledenский монастырь близ города Устюга Великого. Можно предполагать, что в этих местах уже были тогда христиане, если не туземцы, то поселенцы новгородские, или что самое основание иноческих обителей имело целью дальнейшее распространение христианства между коренными жителями.

Около 1174 года многие жители Новгородской области, вероятно вынужденные смутами своей родины, оставили ее и поплыли Волгой до устья Камы: одни из выходцев остались на Каме, другие продолжали плыть к западу. Вышедши на берег, они нашли укрепленный город Болванск (ныне село Никулицкое) и овладели им. Туземцы, грубые язычники финского поколения, убежали от новых пришельцев в леса и долго не могли ознакомиться и соединиться с ними. Новгородцы построили в своем городке церковь; оставшиеся на Каме спутники этих

выходцев плыли рекой Вяткой до черемисского города Кокшарска (нынешний Котельнич); завоевав его, соединились между собой и для безопасности от туземцев основали крепкий город Хлынов (нынешняя Вятка). Переселенцы старались просветить христианством язычников, среди которых жили. Вначале встретили они со стороны суеверия сильное сопротивление, но впоследствии вотяки стали обращаться в христианство. Раннее водворение христианства в Вятке было залогом успешного действия русских проповедников Евангелия на северо-восточных пределах России.

Почти в то же время трудился преподобный Герасим, уроженец и постриженник Печерский. В 1147 году он пришел из Киева на берега реки Вологды и у ручья Кайсарова основал обитель с храмом Святой Троицы. Это было еще до начала города Вологды. Тогда был здесь глухой лес, а в лесу посад с Воскресенской церковью и при нем малый торжок. Подвижник благочестия примером своей жизни и светлыми наставлениями озарил дикую страну и мирно почил 4 марта 1178 года³⁰.

Примечания

1 Преподобный Нестор в Летописи.

2 Вторичные труды преподобного Исаакия в затворе продолжались до 20 лет, так что преставление его должно полагать около 1090 года. Мощи его почивают в пещерах преподобного Антония.

3 Память святого Никиты начали почитать с XIII века; мощи его открыты в 1553 году (Святыни и древности Великого Новгорода, с. 23–26).

4 Время кончины преподобного Иоанна многострадального можно полагать не ранее 1160 года. Память его празднуется 18 июля.

5 Пещера Варяжская находится подле Феодосиевых пещер. Она частью обвалилась в XVII веке.

6 Преподобные Феодор и Василий скончались 11 августа 1091 года. Мощи их почивают в Антониевой пещере в одном гробе.

7 Мощи преподобного Арефы почивают в Антониевой пещере.

8 Преподобный Еразм скончался около 1160 года. Мощи его почивают в Антониевой пещере.

9 Мощи преподобного Захария-постника почивают в Феодосиевой пещере.

10 Преподобный Николай Святоша провел в иночестве 36 лет (1106–1142); мощи его почивают в Антониевой пещере.

11 О чудотворной Ростовской иконе Богородицы (которая зовется Владимирской) подробно описано в книге моей «Святыни и древности Ростова Великого», издание 3-е, стр. 30 и 31. Другая икона преподобного Алипия, находящаяся в Московском Успенском соборе, известна под именем «Предста Царица».

12 Кончину преподобного Алипия можно полагать около 1114 года. Мощи его почивают в Антониевой пещере.

13 Мощи преподобного Спиридона и Никодима – в пещере преподобного Антония. Троеперстное изображение крестного знамения, которым преподобный Спиридон осенил себя в минуту кончины, доселе сохранилось на его руке и обращает к Православию многих поклонников мнимой старины.

14 Преподобный Марк преставился в последних годах XI века. При мощах его, в пещере преподобного Антония, находится медный крест, служивший ему определенной мерой воды для утоления жажды.

15 Мощи преподобного Прохора почивают в Антониевой пещере.

16 Преподобный Дамиан преставился в 1071 году, мощи его – в Антониевой пещере.

17 Преподобный Агапит скончался в 1095 году, мощи его – в Антониевой пещере.

18 Время жизни преподобного Пимена относится к первой половине XII века. Мощи его – в Антониевой пещере.

19 Несчастливая битва с половцами на реке Стугне и кончина преподобного Григория были в 1094 году. Мощи его – в Антониевой пещере.

20 Нетленные мощи первого русского летописца покоятся в Антониевой пещере, в раке, окованной серебром. Над ней прибита бронзовая вызолоченная доска, присланная в 1826 году.

21 Преподобный Тит жил в начале XII века. Мощи его – в Антониевой пещере.

22 Мученическая кончина преподобного Евстратия совершилась 28 марта 1096 года. Мощи его, по совершившимся чудесам, отысканы верующими и привезены в Киев, где и ныне почивают в Антониевой пещере.

23 Время кончины преподобного Никона Сухого должно полагать в первых годах XII века. Мощи его – в Антониевой пещере.

24 Обращение вятичей и кончину преподобного Кукши должно отнести к первым годам XI века. Мощи его и преподобного Пимена-постника – в Антониевой пещере.

25 Ростовский удел принадлежал князю Всеволоду и потом сыну его Владимиру Мономаху. Оба они постоянно жили на юге.

26 Древние известия молчат о годе кончины святого епископа Леонтия; по всей вероятности, он был убит около 1070 года, т. е. в то время, когда видим в летописях страшные злодеяния чудских волхвов в пределах Ростовской епархии. Блаженный епископ Симон, исчисляя Печерских иноков, удостоенных сана епископского, пишет: «Первый был Ростовский епископ Леонтий, священномученик, которого Бог прославил нетлением; это был первый (из Печерской обители) престольник; неверные мучили и убили его, и он стал третьим небесным гражданином из Русской земли, получив вместе с двумя варягами венец от Христа, за Которого пострадал». Некоторые заключают из этих слов, что страдальческий подвиг Ростовского святителя следовало бы отнести ко времени святого Владимира Равноапостольного, прежде страдальческой кончины Бориса и Глеба. Но блаженный Симон исчисляет русских мучеников за Христа, в числе которых Леонтий был действительно третьим, потому что и Святая Церковь ублажает Бориса и Глеба, как прославленных Богом за невинное страдание, и именует их страстотерпцами, а не мучениками.

27 Так, в селе Угодичах (древняя слобода Угожь, в 5 верстах от Ростова, на восточной стороне озера Неро) сохранилось предание, что первая деревянная церковь этого села сооружена при святом Исаяе, который благословил жителей Угожа, за усердие их к вере, иконой Богоявления Господня. Эта икона сохранилась до нашего времени храмовой в Богоявленской церкви села Угодичь (Святыни и древности Ростова Великого, изд. 3-е, с. 95–97).

28 Мощи святителей Леонтия и Исаяи обреты нетленными в 1164 году при копании рвов для закладки каменного соборного храма на месте погоревшего дубового. Они почивают в Ростовском Успенском соборе: мощи святого Леонтия – под спудом, в приделе, посвященном его имени, а мощи святого Исаяи – открыто близ иконостаса, у южных врат алтаря, в серебряной раке. До нашествия ляхов в 1609 году мощи святого Леонтия почивали открыто в «золотой раке», единственной в России. Чудеса святого Леонтия описаны в книге моей: «Святыни и древности Ростова», изд. 3-е, с. 35–36.

29 Мощи преподобного Авраамия обреты и прославлены чудесами 29 октября 1210 года. Они почивают открыто в главном храме Богоявленского Авраамиева монастыря, в великолепной серебряной раке, устроенной в 1862 году. Здесь же хранится медный шестиконечный крест от жезла, врученного Авраамиию святым Иоанном Богословом, для сокрушения идола. Самый жезл взят Грозным-царем в 1553 году. (Святыни и древности Ростова Великого, изд. 3-е, с. 64–67).

30 Мощи преподобного Герасима почивают под спудом в Вологде, в Троицком храме обители его, упраздненной в 1764 году. Более подробные сведения – в моих «Письмах с Севера», с. 37 и 38.

Глава V

Гибельные последствия удельной системы правления. Убиение святого князя Игоря-Гавриила. Владимир Мономах и сын его святой Мстислав Великий. Преподобный Антоний Римлянин. Сыновья Великого Мстислава: святой Всеволод и блаженный Ростислав.

Раздробление Русской земли на множество уделов препятствовало развитию государственного значения потомков святого Владимира: каждый из них смотрел на свое княжество как на временную стоянку, в ожидании более обширного или более богатого удела. Народ, со своей стороны, смотрел на князя как на временного правителя.

Самодержец (по выражению современников – самовластец) Ярослав I, разделив свои владения между пятью сыновьями, назначил старшего из них, Изяслава, великим князем. Порядок и согласие между князьями не могли быть прочными, тем более что великий князь не был государем для младших, а только имел надзор над ними – надзор отца за детьми, не пользуясь даже правом лишать виновных княжения. По прямому смыслу завещания Ярослав имел в виду постоянную неприкосновенность владений, данных каждому из сыновей его.

Через несколько лет по кончине Ярослава старший сын его был выгнан из Киева (как мы видели выше), а младшие сыновья стали заботиться, каждый на счет прочих, об усилении владений своих. Междоусобия сделались непрерывными. Наконец все князья решились, по совету лучшего из них – Владимира Всеволодовича Мономаха, внука Ярослава I от третьего сына его, Всеволода, – не подчиняться суду великого князя, но сделать общий княжеский съезд и на нем порешить возникшие споры. Этот первый съезд князей (по-нынешнему – общий конгресс) был в Любече в 1097 году и впоследствии нередко повторялся, причем утвердилось новое правило – отнимать по общему приговору уделы у князей, которые окажутся виновными. Границы княжения и отношения князей стали определяться договорами.

Но и этих мер было недостаточно для спокойствия и порядка. Право на великое княжение принадлежало старшему в роде. Несмотря на то, князья очень часто восходили на киевский престол не по старшинству, а по согласию союзников, по выбору народа и просто по праву сильного. Ни один княжеский род не мог укрепиться на киевском престоле, где успели пребывать предки всех родов княжеских. Так было и в других княжениях, где иногда брат наследовал брату, иногда сын отцу, иногда один родственник вытеснял другого только потому, что был сильнее его.

Раздоры князей губительно действовали на народ: он учился подражать им в самоуправстве. Когда Изяслав Мстиславич звал киевлян на войну против родственников низверженного и постриженного великого князя Игоря Ольговича, некоторые из народа сказали: «Идем с радостью, но враг князя и народа Игорь не в темнице сидит, а живет спокойно в монастыре святого Феодора; уьем его и пойдем на Ольговичей Черниговских». Тысячи голосов завопили: «Уьем Игоря!» Напрасно князь Владимир, брат Изяслава, митрополит Климент и народные сановники запрещали, удерживали, молили. Неистовые устремились к монастырю, схватили жертву свою в церкви во время литургии, безжалостно убили Игоря и бросили нагого на площади. На другой день Феодоровский игумен, совершая печальный обряд погребения убиенного князя-схимника Гавриила, воскликнул к народу: «Горе живущим ныне! Горе веку суетному и сердцам жестоким! Где любовь христианская?»¹

Недаром народ, ненавидя род Ольговичей, был искренно привязан к племени Мономаха. Родоначальник этого племени, из которого вышло много святых князей, князь Владимир Всеволодович, прозванный Мономахом, славный победами, подвигами за Отечество и благими нравами, употребил всю свою жизнь на примирение князей и успокоение земли Русской.² Летописцы хвалят привязанность его к отцу, которого он никогда и ни в чем не ослушался, снисходительность, милосердие, щедрость, незлобие. Он творил добро врагам своим и любил отпускать их с дарами; молясь в церкви, всегда проливал обильные слезы. Но всего яснее изображает его душу завещание и поучение, написанное им для сыновей.

«Приближаясь ко гробу, – пишет он, – благодарю Всевышнего за умножение дней моих. Рука его довела меня до старости маститой. И вы, дети мои, помните заповеди Божии, ходите по стопам отцов ваших. Страх Божий – основание добродетели. Велик Господь, и чудны дела Его! О, дети мои! Хвалите Бога и любите человеков. Не пост, не уединение, не монашество спасет вас; спасут вас дела добрые. Не забывайте бедных, кормите их и мыслите, что всякое достояние принадлежит Богу, а нам дано только на время. Не скрывайте богатства в недрах земли. Сиротам будьте отцами, не давайте сильным губить вдов и слабых. Не убивайте ни правого, ни виновного; жизнь и душа христианина священны перед Спасителем нашим. Принимайте с любовью благословение пастырей духовных; творите им добро, да молятся за вас Всевышнему. Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце и думайте: “Мы тленны, ныне живы, а завтра во гробе”. Бойтесь лжи, пьянства и любострастия, равно пагубного для тела и души. Старцев чтите, как отцов, мудрых слушайте, старшим покоряйтесь, с равными и меньшими имейте любовь, беседуйте без криводушия, воздерживайтесь от смеха, старайтесь опускать очи к земле, а душу возносить к небу. В пути, на коне, не имея дела, читайте наизусть молитвы или повторяйте чаще: «Господи, помилуй!» Не засыпайте никогда без земного поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на постели. Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю: так делал отец мой, так делали все добрые люди в мое время. Когда озаряло их восходящее солнце, они радостно славили Господа».

Благочестие и добрые дела составляли принадлежность семейства Мономаха. Старшая сестра его, блаженная княжна Анна, прозванная Янкою, постриглась в Киевском Андреевском монастыре, основанном родителем ее, великим князем Всеволодом, и занималась воспитанием девиц, сама учила их грамоте, пению и рукоделиям. Она преставилась 3 ноября 1112 года. Сестра ее Евпраксия и дочь Владимира Мономаха Марина кончили жизнь свою в подвигах иночества в той же обители.

Достойный сын благочестивого Мономаха, святой Мстислав-Феодор, заслужил от современников имя Великого. С 12-летнего возраста отправленный дедом княжить в Новгороде, он еще в молодости явился образцом мужества и великодушия христианского. Олег, князь Черниговский, убил брата его Изяслава и захватил удел его, Ростов и Суздаль. Мстислав, не желая проливать кровь, послал сказать ему: «Ты убил брата моего, но на войне гибнут цари и князья; будь же доволен своей наследственной Рязанью, а я упрошу отца моего помириться с тобою». Олег не послушал кротких убеждений и увещаний, но, разбитый Мстиславом, потерял свои завоевания и едва укрылся в Муроме. Тогда Мстислав снова предложил ему мир, умолил отца простить Олега, и Мономах согласился, сознавшись, что сын пристыдил его великодушием.

Вскоре Олег снова нарушил мир, снова был разбит и бегал в отчаянии, не зная, где приклонить голову. Мстислав послал сказать ему: «Святополк и отец мой Владимир (о себе он не говорил) не лишат тебя земли Русской; я буду твоим ходатаем, останься в своем княжении, только смиришь». Вслед за тем он возвратился в Новгород и примирил Олега с великим князем Святополком и Мономахом.

Понятно, что таким князем не могли не дорожить новгородцы. Когда Святополк хотел послать в Новгород сына своего, новгородские послы объявили ему: «Если у сына твоего две

головы, то пришли его к нам. Новгороду нужен Мстислав, новгородцам дал его Всеволод; мы вскормили его для себя и любим его, а сына твоего не хотим».

Мстислав остался в Новгороде, где сохранились как памятники его благочестия каменные храмы: Благовещенский на Городище, близ Новгорода, где со времени Рюрика было пребывание князей, и великолепный собор на княжьем дворе во имя святителя Николая, которого мощи незадолго пред тем были перенесены в Бар-град. Этот последний храм был памятником признательности блаженного князя к великому святителю за исцеление от болезни. Святой Николай в видении повелел больному князю Мстиславу послать в Киев послов за иконою своей, которой вид и мера были показаны. Послы отправились, но буря, поднявшаяся на озере Ильмень, удержала их у острова Липного три дня. Здесь нашли они плывшую по воде икону святителя Николая, того самого вида (круглую) и размера, какие показаны в видении. Большой князь, приложась к святой иконе, получил исцеление.³

После многих воинских подвигов для защиты пределов новгородских доблестный Мстислав по воле отца перешел в Белгород, а в 1125 году, оплакав кончину родителя, сел в Киеве на престоле великокняжеском. В Киеве он устроил монастырь в честь ангела своего, великомученика Феодора, и храм в честь Пирогощей иконы Богородицы, доставленной из Царьграда.

После блистательного похода против дикой Литвы доблестный и благочестивый князь скончался в один из светлых дней Пасхи (15 апреля 1132 года), на 56 году своей жизни, и погребен в построенном им монастыре. Он умел править Русскою землею, хранил порядок и правду, мог бы надолго утвердить спокойствие России, если бы дожил до маститой старости отца своего. Еще современники не только называли его добрым и христоробивым князем, но и надеялись на загробные молитвы его. В одном древнем Прологе сказано, что он был неудержимо милостив ко всякому, серебра и золота в руки не принимал, потому что не любил богатства, и заранее узнал день преставления своего⁴.

Во время княжения святого Мстислава, при святительстве святого епископа Никиты, основана в Новгороде первая общежительная обитель преподобным Антонием, чудотворцем. Он был уроженец города Рима, сын богатых и благородных родителей. Зная твердо догматы веры православной и хорошо научившись греческому языку, он прилежно читал книги святых отцов; по кончине родителей, будучи 18 лет от роду, он роздал бедным большую часть имущества, оставшееся золото, серебро, драгоценные сосуды и другие церковные вещи вложил в бочку (делву) и пустил в море. После того Антоний, в 1086 году, удалился в пустыню, где отыскал православных монахов, укрывавшихся от папских гонений в горах и расселинах, и поселился с ними, приняв пострижение. Оттуда по любви к уединению он перешел на одну приморскую скалу и здесь, стоя на камне, провел год и два месяца в посте и молитве, после чего неисповедимыми судьбами Божиими перенесен вместе с камнем, на котором стоял, по морю, реке Неве, Ладожскому озеру (Невоозеро) и вверх по реке Волхову в страну Новгородскую. Камень пристал к берегу в ночь с 7 на 8 сентября 1106 года. Преподобный услышал звон к утреннему пению, увидел жителей неведомой страны и не понимал языка их, а они смотрели с удивлением на чудного пришельца, который не смел сойти со своего камня, не зная, где он, и опасаясь новых гонений от враждебного Рима. После трехдневной молитвы Господь послал ему человека, знающего греческий и латинский языки.

Св. София Новгородская (1045–1052). Вид до реставрации.

С изумлением узнал от него Антоний, что пред ним Великий Новгород и Святая София, что он в три дня и три ночи совершил тот путь, который обыкновенно совершается в полгода. Ликовала душа пришельца, когда он увидел священное величие храма Святой Софии, благолепие обрядов церковных и услышал сладкогласное пение, хотя на незнакомом ему языке. Обучившись несколько русскому языку, он открыл тайну своего чудного пришествия одному только епископу святому Никите, который посоветовал преподобному устроить обитель иноческую в честь Рождества Богородицы на том месте, где пристал к берегу плывший камень, и выпросил это место у новгородских посадников.

Спустя год после того случилось однажды, что рыбаки, трудившись целую ночь в рыбной ловле, ничего не поймали. Тогда преподобный Антоний предложил им гривенный слиток серебра с тем, чтоб они еще раз закинули сети в Волхов и все, что поймают, отдали в новую обитель. Рыбаки закинули сети и едва могли вытянуть их на берег: к общему изумлению, в неводе, кроме великого множества рыбы, оказалась та самая бочка, которую Антоний, еще будучи в Италии, бросил в море. Но рыбаки заспорили, уверяя, что бочка принадлежит им издавна и что они занимались ловить рыбу, а не товары. Преподобный должен был прибегнуть к суду посадников, и бочка была присуждена ему, когда он объяснил, что в ней находятся золотые потиры, церковная утварь, также золото и серебро, доставшееся ему в наследство от родителей. Это богатство послужило на построение каменного храма и на покупку близлежащих земель для монастыря. Святитель Никита сам начал копать ров под основание церкви, но не дожил до окончания здания. После 16-летнего игуменства, преподобный Антоний, предзнав свою блаженную кончину, открыл духовному отцу дивную повесть жизни своей и велел предать писанию во славу Божию⁵.

Два сына блаженного великого князя Мстислава Владимировича оставили по себе память добродетельной и святой жизни.

Старший из них, святой князь Всеволод-Гавриил, в ранней юности был оставлен отцом в Новгороде на княжение, когда престарелый Мономах вызвал Мстислава к себе, чтобы иметь в нем помощника. Достойный сын великого Мстислава много сделал добра для новгородцев; но они заплатили ему злом.

Начало своего княжения юный князь ознаменовал основанием Юрьева монастыря в Новгороде: вместе с игуменом Кириаком, он заложил там в 1119 году величественный храм великомученика Георгия, наделив обитель разными угодьями. По случаю рождения сына Иоанна он построил на торговой новгородской площади, на Петрятинном дворище, храм святого Иоанна Предтечи и выдал для нового храма весьма значительную по содержанию грамоту.⁶

Наступило тяжкое время для Новгорода: угнетаемый двухлетним голодом, народ питался липовым листом, березовой корой, соломой и мохом; по улицам лежали трупы, и некому было погребать их; родители отдавали детей своих купцам иноземным, чтобы только спасти их от голодной смерти. В эти горестные дни Всеволод явил всю отеческую любовь свою к народу: он был отцом сирот и вдов, питателем нищих и голодных, истощал на них казну свою, но и ее не доставало для множества просящих.

Пребывая в Новгороде, Всеволод делал походы в Емь (Финляндию) для охранения новгородских границ, в Эстонию и Литву; все эти походы были удачны.

В 1132 году дядя его, князь Ярополк, вступил на киевский престол, дал Всеволоду удел Переяславский, который считался старшим после Киева и служил иногда переходным к великому княжению. С неудовольствием отпустили новгородцы своего доброго князя, упрекая его, что он изменил Святой Софии; а между тем родной дядя его, младший сын Мономаха князь Юрий Долгорукий, вооружился, говоря, что Ярополк хочет сделать племянника наследником своим в Киеве. Утром въехал Всеволод в Переяславль и до обеда выгнан был Юрием. Избегая междоусобия, богобоязненный князь возвратился в Новгород, но там на вече уже не хотели принять его, позабыв благодетельное его правление и славные победы. Спустя два года брат его Изяслав, лишенный удела тем же дядею Юрием, пришел в Новгород просить помощи. Новгородцы зашумели, вызываясь защищать Мстиславичей против властолюбивого Юрия. Всеволод выступил с войском, но поход был неудачен. Новгородцы требовали новой войны, хотели снова идти к Суздалью, но и на этот раз Бог не благословил оружия новгородского. Начали зимний поход, с терпением сносили холод и вьюги, но кровопролитная битва на Ждановой горе (26 января 1135 года) осталась навсегда памятною в летописях: здесь новгородцы потеряли множество людей, побили еще более суздальцев, но не могли одержать победы, и сам Всеволод едва спасся с остатком дружины. «Вся земля Русская разодралась тогда», по красноречивому выражению летописца.

Раздраженные неудачей новгородцы, собравшись на смутное вече, осудили Всеволода на изгнание. Он был заключен в епископском доме с женою, детьми и тещею (супругою святого князя Николы Святоши), семь недель содержался как преступник под стражею и получил свободу только тогда, когда прибыл в Новгород избранный народом князь Святослав Ольгович, друг Юрия.

Добродушный Ярополк дал изгнаннику Вышгород. Жители Пскова, до того времени неразлучные от новгородцев под властью одного князя, дорожили благодеяниями Всеволода и с живым усердием звали его к себе. Всеволод согласился на призыв любви; на дороге имел он утешение видеть, что между князьями его времени не иссякла любовь христианская. Полоцкий князь Василий, вместо того чтобы мстить за обиды, нанесенные ему Великим Мстиславом, принимал и провожал Всеволода с братскою любовью. Верные псковитяне приняли с восторгом призванного ими князя и не устрашились, когда новгородцы поднялись на них войною. Устроив засеки и засевиши в окопах, они клялись не выдать своего князя. Одумался Святослав

Новгородский, побоялся кровопролития и воротился в Новгород, говоря: «Пусть Бог все управит Своим Промыслом».

Между тем святой Всеволод заложил в Пскове каменный храм Святой Троицы. Не более одного года княжил он в Пскове, но этот последний год его жизни был ознаменован непрерывными благодеяниями. Блаженный князь во всю жизнь свою любил Господа и его служителей; любил и нищих, которых щедро снабжал всем нужным. Предчувствуя близкую кончину, он смирял себя постом и молитвою, питал нищих, призревал странных, сам перевязывал раны больным; но окрестные народы трепетали при имени князя, который никому не выдавал чести своей и верного ему Пскова; никто не смел нападать на подвластный ему город. После краткой болезни он мирно скончался в летах зрелого мужества 11 февраля 1138 года.

Опамятовались граждане Великого Новгорода, услышав о кончине блаженного князя, и послали протопопа от Святой Софии, именем Полюда, и с ним несколько благоговейных людей, чтобы взять мощи в Новгород. Но рака не двинулась с места, потому что святой князь хотел остаться там, где любили его. Горько плакали послы новгородские, раскаиваясь в неблагодарности своего народа и молили дать им хотя малую часть от святых мощей на утверждение града их. Тогда отпал сам собою ноготь от руки блаженного князя. С радостию принял святиню протопоп Полюд и возвратился с нею в Новгород, а псковитяне погребли благоверного князя в построенном им храме великомученика Димитрия Солунского, потому что Троицкий собор был еще не достроен. Спустя 54 года они обретены нетленными. Святой князь явился в видении одному богобоязненному человеку и сказал: «Объяви властям, чтобы перенесли мощи мои в храм Святой Троицы; там хочу я возлечь. Господь Иисус Христос предал мне град мой Псков, чтобы хранить его от нечестивых немцев». Святые мощи были благоговейно перенесены открыто в Троицкий соборный храм (27 ноября 1192 года)⁷; там они прославились многими чудотворениями.

Ночью, под 30 число июля 1363 года, святой князь явился соборному пономарю, спавшему в притворе храма, и сказал: «Завтра объяви причту Святой Троицы и посадникам, чтобы вынесли иконы из церкви; в следующую ночь Господу угодно явить чудо над моими мощами». Приказание исполнено, и ночью обрушился громадный свод храма и отшиб малую часть челюстей благоверного князя, которая и донныне сохраняется в серебряном ковчеге.

Над гробницею святого Всеволода висит огромный и тяжелый меч его с надписью: «Нопогem meum nemini dabo» (чести моей никому не отдам)⁸.

Другой сын Великого Мстислава, благоверный князь Ростислав-Михаил, родоначальник князей Смоленских, принадлежал к числу тех редких правителей, которые в блеске верховной власти находят более тягости, нежели наслаждения. Два раза возводили его на престол великого княжения, но он не любил власти и всегда готов был отказаться от нее. Достигнув глубокой старости и уже больной, он отправился из Киева в Новгород, чтоб утвердить там сына своего Святослава. На дороге смоленские послы встретили его за 300 верст от города; в Смоленске жители всех сословий приняли с подарками добродетельного старца-князя. Утомленный путем, он не мог ехать далее Великих Лук и там взял клятву с послов новгородских – забыть прежние неудовольствия на сына его и не искать себе другого князя. Больной, возвратился он в Смоленск, где сестра его Рогнеда и сын Роман уговаривали его остаться, чтобы быть погребенным в сооруженной им церкви Петропавловской⁹. «Везите меня в Киев, – отвечал он, – если умру на дороге, положите меня в отчем монастыре у святого Феодора; если же Бог исцелит меня молитвами Пречистой Своей Матери и преподобного Феодосия, постригусь в Печерском монастыре». Блаженный князь скончался на пути, с тихою молитвой на устах: «Ныне отпусти раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром». Это были последние слова его, и слезы остановились на застывших ланитах почившего¹⁰.

Блаженный князь Ростислав отличался необыкновенным незлобием: он все прощал другим, помнил только о своих грехах, о своих долгах перед Богом и забывал о том, что должны ему другие. Часто говорил он Печерскому игумену: «Приготовь мне келлию, боюсь смерти неожиданной». Во время Великого поста, по субботам и воскресным дням, приглашал он к своей трапезе игумена с избранными старцами обители преподобного Феодосия, беседовал с ними о душевном спасении, а в каждое воскресенье поста приобщался Святых Тайн. Ему очень хотелось уклониться от суетного мира в Печерскую обитель, чтобы краткую мимо текущую жизнь посвятить Богу в безмолвии. Не раз говорил он о том Печерскому игумену, блаженному Поликарпу¹¹, но благоразумный старец останавливал его, говоря: «Бог требует от тебя других подвигов: твори правду и блюди землю Русскую». Ростислав не равнялся свойствами с отцом и дедом, но любил родину, любил мир и правду и боялся запятнать себя кровью русскою.

Примечания

1 Святой князь Игорь убит 19 сентября 1147 года. Мощи его перенесены в Чернигов. Икона Богородицы, перед которою он молился в последние минуты своей жизни, находится теперь в Печерской Лавре.

2 Великий князь Владимир Мономах скончался в 1125 году.

3 Чудесноявленная на озере Ильмень икона святого Николая находится в Новгородском Николо-Дворищенском соборе. На острове Липном, где она была найдена, в 7 верстах от Новгорода, блаженный Мстислав поставил деревянную церковь и основал монастырь Липенский, от которого сохранились только развалины каменного храма, построенного в 1290 году (Святыни и древности В.Новгорода, с. 115 и 253).

4 «Русские Святые». Апрель, с. 64.

5 Преподобный Антоний Римлянин преставился 3 августа 1147 года и погребен в созданной им церкви. Мощи его открыты в 1597 году. В обители его сохранились: камень, на котором он приплыл из Италии, ветви морской травы, которую он держал в руке во время плаванья; две фелони и два паникадила, принадлежавшие чудотворцу, а из вещей, найденных им в бочке, – шесть мозаических (мусийных) икон. Полагают, что два драгоценных потира, взятые Грозным-царем при разграблении Антониева монастыря в 1560 году и находящиеся теперь в Московском Успенском соборе, принадлежали также преподобному Антонию (Святыни и древности В.Новгорода, с. 154–157).

6 В этой грамоте обеспечено содержание храма и причта и назначена пошлина со всех предметов торговли, особенно же с воска. Другая грамота святого князя Всеволода, данная им Софийскому собору (Новгородской кафедре), сходная по содержанию с уставами святых Владимира и Ярослава, включает в себе замечательную черту. По «Русской Правде» дочерям боярина давалась часть наравне с сыновьями, а дочери смерда (простого свободного человека) получали равную часть только тогда, когда не выданы замуж; иначе братья давали только приданое. Блаженный князь Всеволод пишет: «Если после кого-нибудь останутся сыновья и дочери, то как сыновьям, так и дочерям следует из всего имущества по равной части». Князь лишает наследства только нецеломудренную дочь, но и при этом говорит: «Если брат из желания корысти возведет на свою сестру ложь, то он повинен зато смерти».

7 Мощи святого князя Всеволода-Гавриила в царствование императора Петра I закрыты и с того времени почивают под спудом. В день Пасхи, 22 апреля 1834 года, они переложены вместе с дубовою ракою в великолепную серебряную.

8 Описание и рисунок меча можно видеть в книге моей: «Святыни и древности Пскова», с. 23.

9 Петропавловский храм в Смоленске, построенный в 1146 году набожным князем Ростиславом, несмотря на все перевороты времени, особенно страшные для Смоленска в 1612 и 1812 годах, уцелел без малейшего повреждения.

10 Блаженный князь Ростислав Набожный (так звали его современники) преставился 14 марта 1168 года и погребен в Киевском Феодоровском монастыре. При нем открыта епископская кафедра в Смоленске, в пользу которой он пожертвовал два села с землями и дал грамоту о судах церковных, сходную с грамотою брата его святого Всеволода.

11 Преподобный Поликарп, первый из игуменов Печерских именованный архимандритом, преставился 24 июля 1182 года. Мощи его почивают в Антониевой пещере.

Глава VI

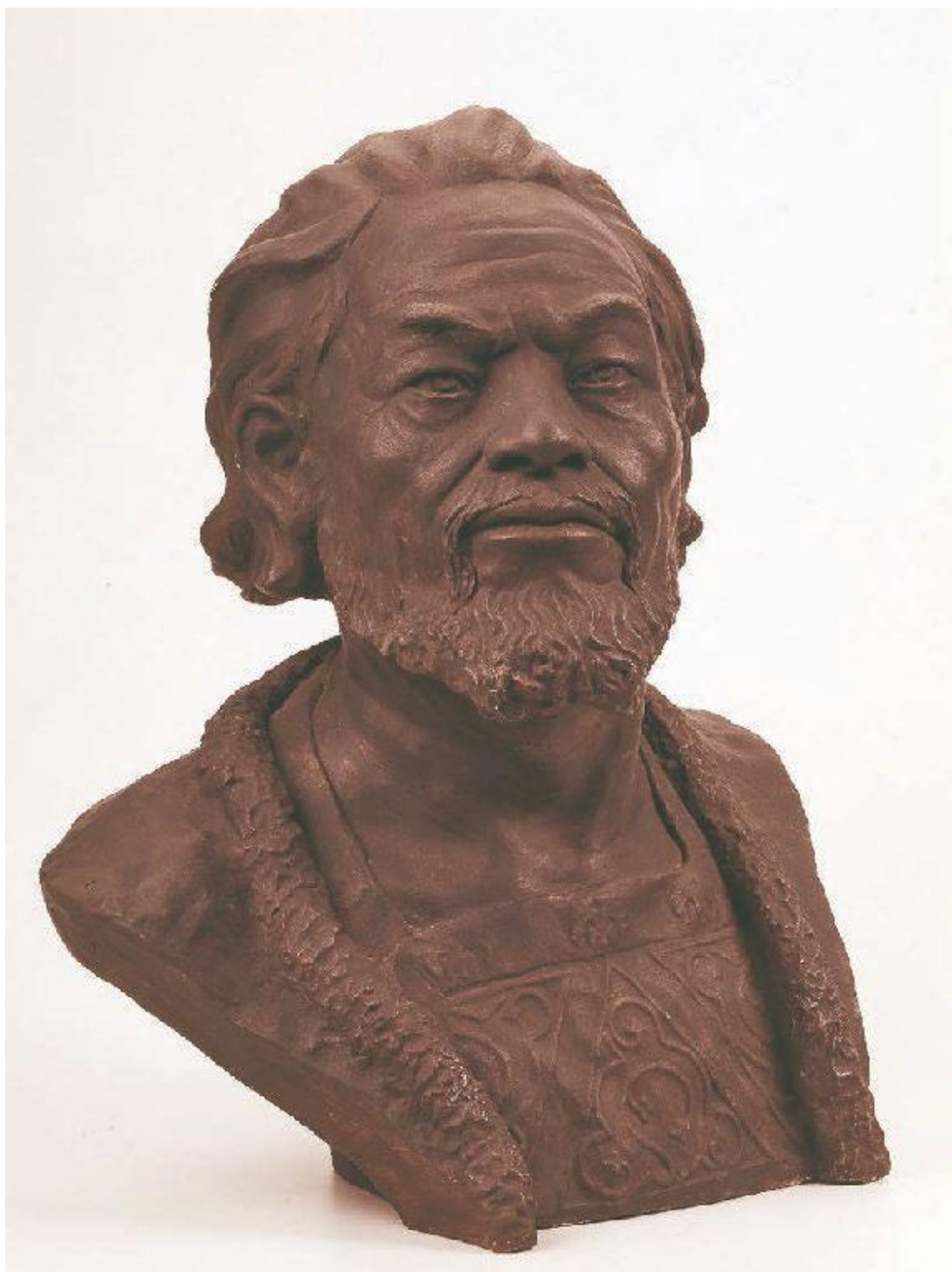
Основание великого княжения во Владимире. Юрий Долгорукий. Сын его святой Андрей Боголюбский. Святые епископы Новгородские: Нифонт и Илья-Иоанн. Святой князь Мстислав Храбрый. Преподобная княжна Евфросиния. Святой Кирилл Туровский. Преподобный Никита Столпник. Преподобный Варлаам Хутынский и ученики его.

Между тем как достойный сын Мономаха, Мстислав Великий, и благочестивые сыновья его, Всеволод и Ростислав, подавали земле Русской пример христианских и царственных добродетелей, на северо-востоке России, в земле Суздальской, княжил младший сын Мономаха Юрий (Георгий) Владимирович, прозванный Долгоруким. Властолюбивый, но беспечный, он знаменит в истории гражданским образованием восточного края Руси, в котором он провел цветущие лета своей жизни. Он заботился о распространении там христианской веры, строил церкви в Суздале, Владимире, на берегах Нерли; открыл пути в лесах дремучих; основал новые города: Юрьев-Подольск, Переяславль-Залесский и Дмитров. Но он не любил дикого и сурового севера, считал себя изгнанником в земле Суздальской и скучал по Киеву. «Неужели и детям моим не будет части в земле Русской?» – говорил он, стараясь добыть Киев. Юрий не имел добродетелей великого отца, не прославил себя в летописях ни одним подвигом, ни одним действием искреннего добросердечия, свойственного племени Мономахов. Он не уважал святости клятв и часто волновал Русь в пользу своего честолюбия. Будучи сыном Мономаха, которого любили во всех концах земли Русской, он не умел заслужить народной любви ни на севере, ни на юге, где наконец удалось ему, незадолго до смерти, занять престол великого княжения. Народ киевский столь ненавидел Долгорукого, что, узнав о смерти его, поспешил разграбить дворец княжеский и не дал похоронить тела его подле гробницы Мономаховой: Юрия похоронили за городом в Спасском Берестовском монастыре.

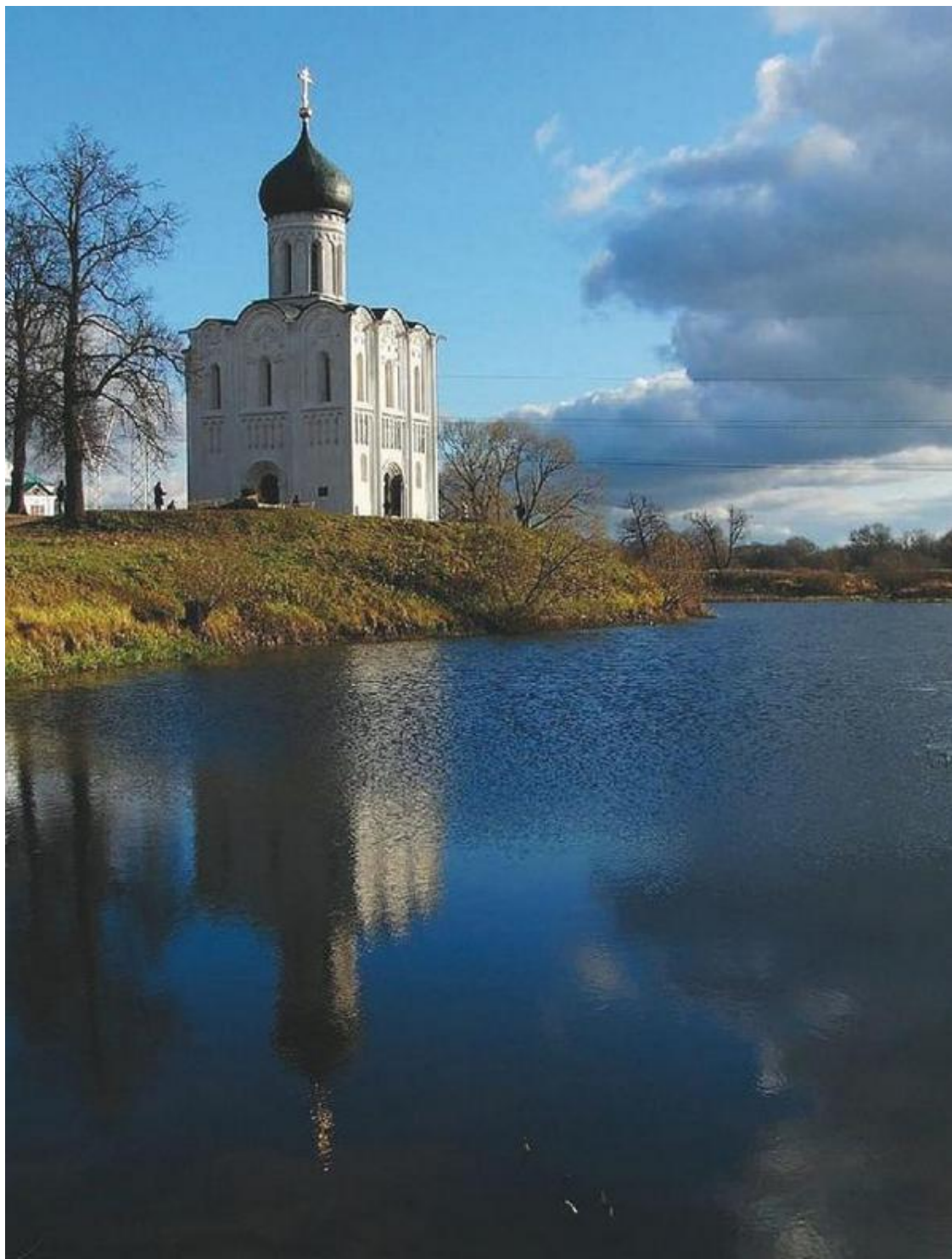
Сын его Андрей, прозванный Боголюбским, любил север, как родину; там народ был спокойнее, нежели на юге, не судил и не менял князей, но повиновался им усердно и сражался за них мужественно. Видя, что ему нечего искать на юге при жизни сыновей старшего из Мономаховичей, Великого Мстислава, храбрый и набожный Андрей тяготился в душе нерасчетливым властолюбием отца своего и тайно удалился из Киева в наследную область, где ростовцы и суздальцы приняли его с радостью и по смерти отца признали своим князем. Он мог тогда же завоевать себе древнюю столицу; но хотел единственно тишины долговременной и порядка в своем наследственном уделе. Он основал новое великое княжение суздальское, или владимирское, которое Промысл Божий предназначил быть истинным сердцем Русского государства. Чувствуя, что Россия гибнет от раздробления власти, Андрей старался ввести единодержавие.

Удаляясь из Киева в Суздаль, он тайно взял с собою знаменитую икону Богоматери, написанную, по общему верованию наших предков, святым евангелистом Лукою. Из Иерусалима она была перенесена в Царьград императрицею Евдокиєю, супругою Феодосия Младшего, и поставлена во Влахернском храме, а Патриарх Константинопольский Лука Хризоверг прислал ее в Киев к великому князю Юрию, который поставил икону в девичьем монастыре в Вышгороде. Оттуда и взял ее Андрей. Когда пришли на берег Клязьмы, не доезжая до Владимира, кони, везшие икону, остановились и не могли сдвинуться с места. Князь построил

здесь каменный храм и поставил на время икону, а место назвал Боголюбовым, потому что Богородица возлюбила его. Построив во Владимире великолепный соборный храм¹, благочестивый князь перенес в него чудотворную икону и украсил ее окладом из 15 фунтов золота, жемчугом и драгоценными камнями. Быв свидетелем многих опытов благодатной помощи от сей святой иконы, князь Андрей питал к ней особенную веру и, когда выходил на брань, имел обычай брать с собою ее честный крест. Так поступил он и в 1164 году, отправляясь в поход против восточных болгар-магометан. Пред сражением благочестивый князь укрепил дух свой приобщением Святых Тайн и молитвою пред иконой Богоматери. Болгары были разбиты, и князь далеко преследовал их. По возвращении из преследования на место битвы князь прежде всего принес благодарение Богоматери пред чудотворною Ее иконой. В это время от животворящего креста и иконы Богоматери воссиял свет, озаривший все войско. Память о сем чуде доселе сохраняется в празднестве Всемилоствому Спасу (1 августа), установленном по желанию Андрея и по сношению с императором греческим Мануилом, который в тот же день видел свет от Креста Господня и победил сарацин².

Князь Андрей Юрьевич Боголюбский Реконструкция М.М. Герасимова

Церковь Покрова Богородицы на Нерли. Ок. 1165 г.

Княжение Андрея Боголюбского кончилось страдальческой смертью: люди, осыпанные милостями князя, убили его в Боголюбове. Последние слова его были: «Господи! В руке Твои предаю дух мой»³. За девять дней до убиения святого князя Андрея скончался сын его князь Глеб, 20-летний юноша, благочестивый, чистый душою и телом. Тело его, положенное во Владимирском соборе, прославлено нетлением и чудесами⁴.

Между тем как в земле Суздальской возникало новое великое княжение, на архиерейской кафедре Великого Новгорода сияли добродетелями два великих святителя – Нифонт и Илия-Иоанн.

Святой Нифонт, уроженец киевский, монах Печерский, за святость жизни поставленный в сан епископа Новгородского в 1130 году, великолепно возобновил Софийский храм и построил каменные церкви: Успения и святого Климента в Новгороде и Спасскую на Псковском Завеличье⁵.

В 1147 году великий князь Изяслав решил последовать примеру Ярослава Великого и созвал собор епископов для избрания и посвящения митрополита. К несчастью, тогда происходило кровавое междоусобие между Изяславом и Юрием Суздальским за киевский престол, и почти все князья удельные, разделившись на две стороны, принимали участие в этой расправе. Естественно, тогда не могло быть того единодушия на соборе, какое было при самодержце Ярославе, тем более что давность обыкновения – получать первосвятителей из Царьграда – обратилась как будто в непреложный закон. Нельзя было ничего сказать против лица, предлагаемого великим князем: это был Климент Смолятич, родом русин, черноризец и затворник, строгий и просвещенный подвижник. Но святой Нифонт и Грек Мануил, епископ Смоленский, утверждали, что митрополит может быть посвящен не иначе, как вселенским Патриархом в Царьграде. Несмотря на их несогласие, Климент был посвящен русскими епископами в Киеве, а для блаженного Нифонта наступило тяжелое время. За несогласие покориться новому митрополиту он вызван был в Киев и содержался в заключении до тех пор, пока Юрий Долгорукий, утвердись на киевском престоле, не отпустил его с честью в Новгород. Вскоре в Царьграде посвятили нового митрополита Константина⁶, и Нифонт поспешил в Киев, чтобы встретить его, но не дождавшись его приезда, скончался в Киеве 21 апреля 1156 года, в субботу пасхальной недели⁷. Новгородский летописец, благоговей пред высокими добродетелями святого Нифонта, говорит: «Мы за грехи наши лишены утешения видеть у себя гроб его».

Известны ответы блаженного Нифонта на вопросы Кирика, иеромонаха новгородского Антониева монастыря, относящиеся до богослужения, совершения Таинств и обрядов. Эти ответы в древности пользовались полным уважением всей Русской Церкви и теперь служат для нас доказательством, что все существенное в догматах веры и совершении Таинств сохранилось издревле неизменным, как непреложна самая воля Божия.

Через несколько лет после преставления блаженного Нифонта вступил на Софийскую кафедру, по избранию народного веча, святой Илия-Иоанн, природный новгородец, священник Власьевской церкви на Волосовой улице⁸. Он посвящен в Киеве в 1166 году и вскоре после того получил от митрополита грамоту, предоставлявшую Новгородскому владыке и преемникам его сан архиепископа.

Вскоре потом новгородцы, беспрестанно призывая и изгоняя князей, не послушались Андрея Боголюбского. Тогда великий князь решил сломить гордыню Новгорода и послал многочисленное войско с 72 князьями. Бесчеловечно опустошив область Новгородскую на триста верст в окружности, князья осадили Новгород. В третью ночь осады, 25 февраля 1170 года, святитель Илия со слезами молился пред иконою Спасителя⁹, и Небесный Голос возвестил ему: «Иди в церковь Спаса, что на Ильиной улице, возьми там икону Богородицы, носи ее на городские стены и увидишь чудное спасение». Наутро архиепископ вынес икону на наружное укрепление города¹⁰ прямо против осаждающих. Народ молился с воплем и слезами. Осаждавшие простерли воинскую отвагу до наглости против святыни: сыпались стрелы на молящихся, и одна из них поразила святую икону¹¹. Тогда на суздальцев напал внезапный ужас, и они потерпели страшное поражение; в плен взято их было так много, что за пленного суздальца давали только по две ногаты (денежки). Святитель установил ежегодный праздник (27 ноября)

Знамения Богородицы в воспоминание чудной победы, «дня избавления для Новгорода и дня наказания для врагов его»¹².

После того Новгород несколько времени наслаждался миром. Блаженный пастырь, умиряя народ и умилоствляя князей, находил время на сооружение многих храмов в городе и Благовещенской обители на озере Мячине¹³, на составление церковных правил, сохранившихся до нашего времени, а может быть, и на писание летописи. Достигнув глубокой старости, пред концом жизни он сложил с себя омофор и принял схиму под именем Иоанна. По усердной просьбе духовенства и всего народа он передал архиепископство брату своему Гавриилу и преставился 7 сентября 1186 года¹⁴.

В числе князей, которых много переменилось при 40-летнем святительстве архиепископа Или-Иоанна, был святой Мстислав, сын блаженного великого князя Ростислава и внук святого Мстислава Великого. Еще в молодости он заслужил у современников прозвание Храброго, не только по личному мужеству в битвах, но и по особенному благородству характера, по которому он всегда вступался за правого против виноватых и за слабого против сильных. Руководствуясь древним обычаем, по которому киевский престол должен был принадлежать старшему в роде, он вместе с братьями посадил на киевское княжение дядю своего Владимира Мстиславича, против воли Андрея Боголюбского. Привыкнув, как пишут современные летописцы, от ранней юности не бояться никого, кроме Бога Единого, храбрый князь не побоялся стотысячной рати Боголюбского. С малочисленною, но смелую дружиною он заперся в Вышгороде, рубился на вылазках днем и ночью и выдержал девятидневную осаду. Между тем в стане осаждающих не было ни усердия, ни согласия: одни князья тяготились самовластием Андрея, другие опасались коварства Ольговичей, некоторые тайно доброжелательствовали Мстиславу и его братьям. Наконец, когда один из князей, подручных Андрею, Ярослав Луцкий, открыто перешел на сторону осажденных, несметные полчища осаждающих взволновались и ночью в беспорядке обратились в бегство, стараясь переправиться на другой берег Днепра.

При свете утренней зари Мстислав стоял на стене Вышгорода. Он смотрел с изумлением, как войско многочисленное, как бы гонимое сверхъестественною силою, бросалось с крутого берега в глубину Днепра, поднял руки к небу и восхвалил заступников Вышгорода, святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Мгновенно вскочил на коня храбрый князь и спешил довершить поражение врагов, завладел станом неприятельским и множеством плененных, которых отпустил без выкупа. Посадив в Киеве старшего брата своего Романа, он отдал ему и Смоленск. Себе храбрый князь не искал никакого удела: он был везде, куда звала его правда и слава. С того времени Мстислав Ростиславич считался храбрейшим из всех храбрых князей. Вскоре новгородцы прислали звать его к себе на княжение, но он колебался, говоря, что не хочет расстаться с добрыми братьями и своею отчиною – Смоленском. «А Великий Новгород разве не твоя отчина? – возразил посадник, – иди, князь, поклонись святой Софии, послужи ей верой и правдой, как служили дед твой и прадед». Мстислав согласился, потому что добрая душа его, как пишут современные летописцы, «всегда рвалась на дела великие».

С восторгом встретили новгородцы храброго князя, прославившегося борьбою с тем самым Андреем, который угрожал Святой Софии своими несметными полчищами. Мстислав усмирил чужд, принудив ее платить дань, освободил Псков от междоусобий и собирался в поход на Полоцкого князя, которого прадед ограбил некогда Новгород и Святую Софию.

Но приближался уже предел земной его жизни: во всей силе мужества он внезапно поражен был тяжким недугом. Чувствуя приближение смерти, Мстислав велел нести себя в Софийский собор и там пред всем народом приобщился Святых Тайн; после того он взглянул на супругу и трех сыновей и, прослезясь, сказал: «Поручаю их добрым братьям моим, особенно берегите младенца моего Владимирка». Тогда успокоились крестообразно мощные руки его на широкой груди, которая служила щитом Великому Новгороду, и почил доблестный князь 14

июня 1180 года. Громко рыдал о нем народ, погребая храброго князя в Софийском соборе, в древней апсидной гробнице блаженного храмоздателя Святой Софии князя Владимира Ярославича¹⁵.

Современники, оплакивая раннюю кончину Мстислава, всеми любимого, величают мужественную красоту его, светлый и смелый взгляд голубых очей, исполинский рост, необыкновенную силу, удачу в победах, младенческое добродушие, соединенное с пылкостью сердца благородного, ненависть к неправде, смирение пред старшими родом и летами, ласковость и приветливость ко всем, милосердие к бедным и сиротам, горячее усердие Богу и Церкви. По свидетельству летописца, он был красою Руси и своего века. Другие воевали для корысти, он только для правды и славы, презирая опасности и отдавая всю добычу Церкви и своей дружине, которую ободрял в битвах, говоря: «За нас Бог и правда, умрем сегодня или завтра, умрем лишь с честью». Не было земли на Руси, где бы не желали служить ему и где бы не оплакивали ранней его кончины.

В лице храброго Мстислава мы видим уже третье поколение святых князей из благословенного рода Мономахова, как бы самим Промыслом Божиим предназначенного для счастья и славы России. Но и в других родах княжеских того времени появлялись личности, удивлявшие современников благочестием и святостью жизни. К числу их принадлежит преподобная княжна Евфросиния, в миру Предислава, внучка владетельного князя Полоцкого Всеслава Брячиславича. Отец ее, Святослав-Георгий, был младший из семи сыновей князя Всеслава. Родители воспитывали Предиславу в страхе Божиим, и она оказывала такую любовь к книжному учению, что изумляла тем родителей. Красота ее стала привлекать князей, но сердце чистой девы было занято любовью к Небесному Жениху, и она тайно удалилась в девичий монастырь, где игуменствовала тетка ее, вдова князя Романа Всеславича, и по неотступной просьбе пострижена с именем Евфросинии. Впоследствии она испросила себе позволение жить в пристроенной к Софийскому собору келлии и голубце. Здесь она пребывала в молитве, занималась списыванием книг и плату, какую получала за то, раздавала нищим. Потом, по особенному видению, решила она основать свой монастырь на загородном месте, отданном ей местным епископом с ветхою Спасскою церковью.

Там к благочестивой Евфросинии скоро собрались сестры. В числе их была младшая родная сестра ее Градислава, нареченная в иночестве Евдокиею; потом двоюродная сестра ее Звенислава принесла к преподобной все дорогие вещи, приготовленные ею на приданое, и навсегда отреклась от мира с именем Евпраксии. Ревнуя о благолепии дома Божия, блаженная Евфросиния, вместо ветхого деревянного храма, построила (около 1160 года) каменный храм Спасителя в своем монастыре, сохранившийся до нашего времени¹⁶, и приготовила для нового храма драгоценный напрестольный крест¹⁷. Горя любовью к Спасителю и Богоматери, она пользовалась родственною связью с домом императоров Комнинов, чтобы выпросить одну из трех икон, писанных по преданию евангелистом Лукою, которая тогда находилась в Ефесе¹⁸. По усердной ее просьбе император Мануил и Патриарх Лука Хризверг прислали ей Ефесскую икону, и Евфросиния, украсив ее драгоценною ризой, поставила в своей Спасской церкви.

Преподобная игуменья усердно заботилась о спасении сестер своих о Господе. Древний жизнеописатель передает трогательную беседу, которою она возбуждала их к подвижничеству. «Я собрала вас о Господе, – говорила преподобная, – как кокош собирает птенцов, собрала словесных овец на духовную пажить. Паситесь же в заповедях Господних, возрастайте в добродетелях от силы в силу, чтобы я с радостью заботилась о вашем спасении и видела с утешением духовные плоды трудов моих. Стараюсь я сеять в вас слова Божии, но сердечные нивы ваши не остаются ли в прежнем виде? Они не зреют, а время жатвы близится, и лопата готова, чтобы отделить плевелы от пшеницы. Страшусь, не нашлись бы между вами плевелы и не преданы бы были Огню Негасимому. Старайтесь, молю вас, старайтесь сохранить себя от грехов и спа-

стись от геенны. Творите из себя чистую пшеницу Христову, измелитесь в жерновах смирения, трудами постническими, чистотою, любовью, молитвами, – да будете Богу как хлеб сладкий».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.